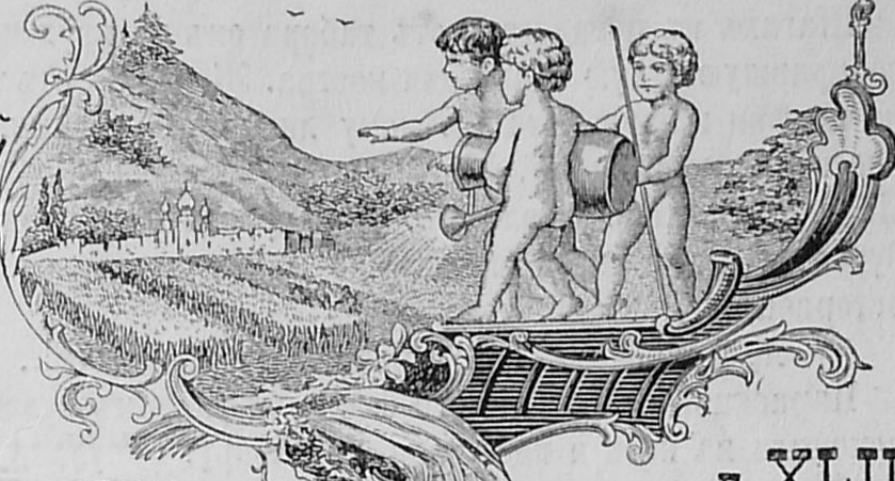

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLIII

№ 28

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кп. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1912

Выданъ 14-го іюля 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. II.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1912 г.

Лодь аистинымъ
гнѣздомъ.

Повѣсть **Вл. Ленскаго.**

(Окончаніе).

Послѣ полудня Бабулака встрѣтилъ огромный возъ, въ которомъ сидѣло человѣкъ десять евреевъ ногами наружу. Они оживленно разговаривали, волнуясь и сильно жестикулируя... Это ужъ такой нервный, горячій народъ, что о каждомъ пустякѣ они будутъ говорить съ волненіемъ и отчаянной жестикуляціей.

— Откуда? — спросилъ Бабулака, поравнявшись съ ними.

— Изъ Аккермана, — раздавалось оттуда сразу въ нѣсколько голосовъ. — А вы куда идете?

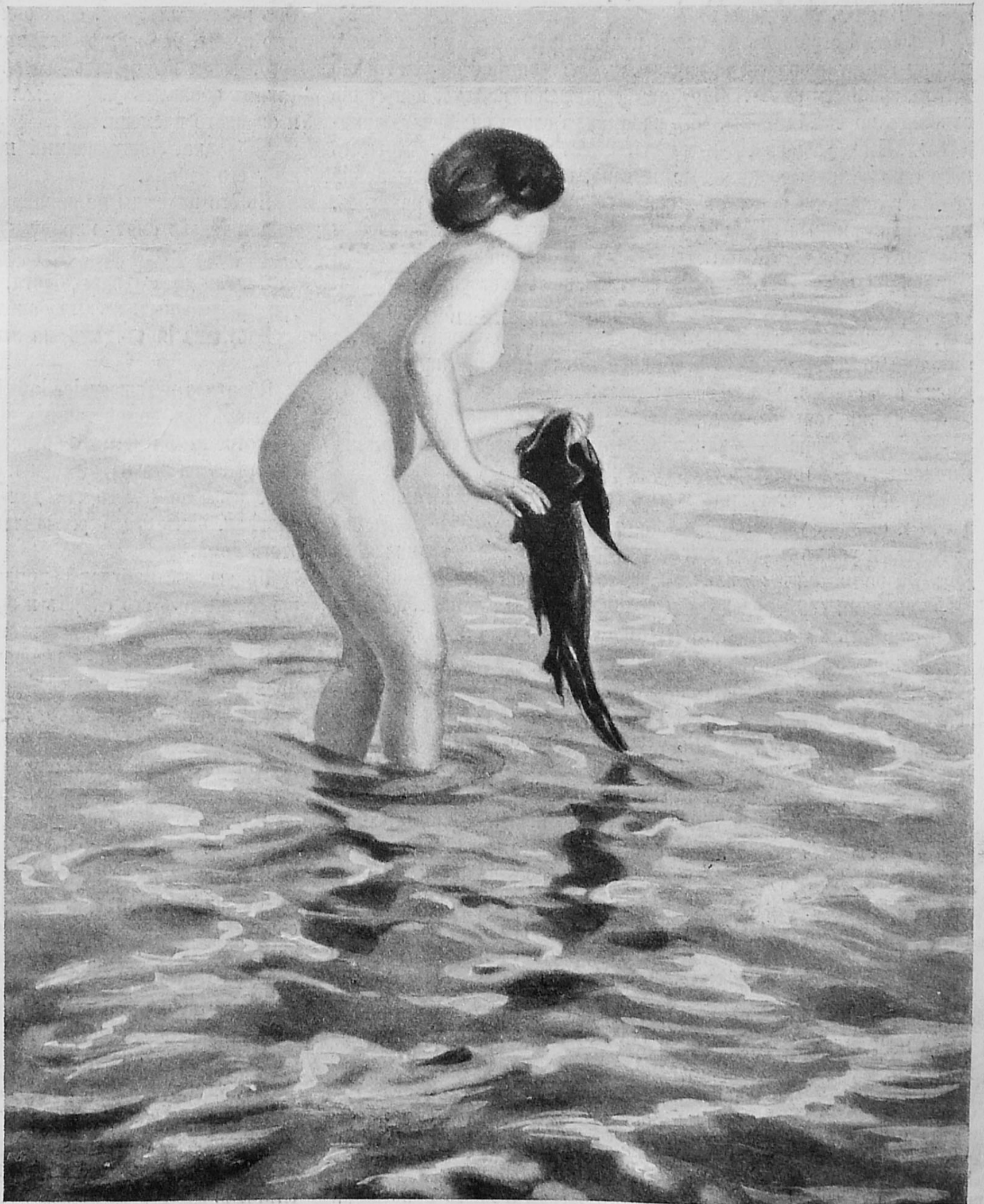
Бабулака побѣжалъ рядомъ съ возомъ:

— Цыгане тамъ? Когда пришли?..

— Вчера ночью. А какое у васъ дѣло до цыганъ?

Бабулака не отвѣтилъ и, оставивъ, пропустилъ ихъ мимо себя. Потомъ онъ повернулся и пошелъ дальше своей дорогой.

Солнце медленно, нехотя, клонилось къ закату и, уходя, все еще продолжало посылать на землю горячіе лучи, словно стараясь изо всѣхъ силъ хотъ еще на нѣсколько минутъ продлить жестокое дѣйствіе своей губительной теплоты. Но Бабулака уже былъ недалеко отъ Аккермана; это видно было по тому, что орлы, провожавшіе его, стали отставать и скоро совсѣмъ исчезли, и небо въ той сторонѣ, гдѣ лежалъ городъ, было сѣро отъ стоявшей надъ нимъ пыли.

П. Шаба. На берегу моря.

Когда зашло солнце, въ набѣгавшихъ съ востока на степь сумеркахъ Бабулака различилъ немного ниже горизонта рядъ маленькихъ, трепетно мигавшихъ, огней. Тамъ, вѣроятно, стоялъ цыганскій таборъ, уже зажегшій свои костры. Цыгане, по своему обыкновению, остановились далеко отъ большой дороги, и Бабулака направился къ нимъ прямо черезъ поле, по сухой травѣ и колючимъ жнивьямъ.

Шагахъ въ пятидесяти отъ табора онъ наткнулся на женщину, собиравшую сухую траву для костра. Женщина отъ толчка упала на колѣни и повернула къ нему лицо съ большими, испуганно-блеснувшими глазами. Несмотря на сумерки, Бабулака узналъ Параскиву, и она узнала его. Она вскрикнула, выронила изъ рукъ бурьянъ; Бабулака схватилъ ее за плечи и трясъ съ злобнымъ остервенѣниемъ:

— А, Параскива!.. А, собака!.. Давай деньги!..

Параскива отбросила его отъ себя ударомъ кулака въ грудь, вскочила на ноги и побѣжала къ табору. Бабулака бросился за нею, но споткнулся, упалъ, и, когда поднялся, Параскива была уже у костровъ, около которыхъ поднялись движеніе и тревожный говоръ. Изъ шатровъ вылезли всѣ, даже женщины и дѣти. Впереди всѣхъ стоялъ Журянъ, встрѣтившій его насмѣшливой улыбкой.

— Чего тебѣ?—спросилъ онъ, нагло оглядывая Бабулаку:— Параскиву?..

— Деньги давай!—сказалъ Бабулака.—Не надо Параскивы!..

Цыганъ нахмурился и сдѣлалъ угрожающее движеніе:

— Какихъ тебѣ денегъ?

Онъ былъ страшенъ въ своей красной рубахѣ, съ раскрытой, мѣднаго цвѣта, волосатой грудью, съ блестящими бѣлками грозно вытаращенныхъ глазъ. Бабулака попятился назадъ, испуганно озираясь во всѣ стороны. Онъ вспомнилъ слова килійскаго винодѣла: „Еще убьютъ...“ — и задрожалъ отъ страха... Кругомъ него стояли черные, лохматые цыгане, враждебно оглядывавшіе его съ головы до ногъ, съ хмурыми лицами, которыя, казалось, корчили страшныя гримасы отъ мелькавшихъ на нихъ тѣней и краснаго свѣта костровъ... Изъ-за плеча Журяна выглядывала Параскива, сильно загорѣвшая, смуглая, какъ настоящая цыганка. Она дергала Журяна за рукавъ и что-то тихо-быстро говорила ему. Бабулакѣ показалось, что она говорила: „Убей его... убей...“ Онъ только теперь понялъ всю опасность своего предпріятія, но, дрожа отъ страха, все еще повторялъ:

— Давай деньги!.. мои деньги!..

— Уходи лучше! — закричалъ цыганъ, оттолкнувъ локтемъ Параскиву.—Не видалъ твоихъ денегъ!..

Бабулака еще отступилъ и весь съежился, втянувъ голову въ плечи и ожидая удара. И вдругъ голова его затряслась, онъ заплакалъ и упалъ передъ цыганомъ на колѣни. Онъ кланялся въ землю и бормоталъ съ плачемъ, похожимъ на собачій вой:

— Возьми себѣ половину и половину дай Бабулакѣ!.. У Бабулаки совсѣмъ нѣтъ денегъ... И Параскиву возьми...

Онъ поползъ на колѣняхъ къ Параскивѣ и ей кланялся въ землю, хваталъ и цѣловалъ ея платье; она пятилась отъ него, испуганно выдергивая изъ его рукъ свою юбку. Цыгане кругомъ смѣялись, смѣялся и Журянъ, отпихивая его отъ себя ногой и покрикивая на него:

— Уходи, говорю тебѣ! Жалѣть будешь!

Но Бабулака, ободренный смѣхомъ цыганъ, не уходилъ и продолжалъ ползать, плакать и кланяться. И это цыгану скоро надоѣло. Онъ взялъ его за плечи, выволокъ въ поле и тамъ бросилъ, толкнувъ его въ спину такъ, что Бабулака упалъ лицомъ въ траву... Поднявшись, онъ сталъ плевать и ругаться, въ безсильной злобѣ грозя цыганамъ кулаками. Тѣ издали отвѣчали ему смѣхомъ и ругательствами. Потомъ онъ побѣжалъ къ городу, свѣтившемуся огнями въ верстѣ отъ табора.

На половинѣ дороги его нагнала Параскива. Она тихо окликнула его:

— Подожди!.. За тобой не угонишься!..

Бабулака остановился. Она сказала:

— Больше не приходи. Журянъ хотѣлъ тебя убить... Сказалъ, что если еще придешь—зарѣжетъ...

Она протянула ему кусокъ чернаго хлѣба и кисть винограда:

— На!.. Скажи матери, что весной приду... повидаться...

Бабулака бросилъ ей въ лицо хлѣбъ и виноградъ. Она отскочила въ сторону и убѣжала.

Въ городѣ Бабулака отыскалъ квартиру пристава, но городовой, за позднимъ временемъ, не хотѣли докладывать о немъ начальству, и онъ долго спорилъ и ругался съ ними, пока на ихъ шумъ не вышелъ на освѣщенное фонаремъ крыльцо самъ приставъ.

Бабулака поклонился ему въ землю.

— Ты чего?

— Деньги цыгане взяли!—сказалъ Бабулака.

— Сколько?—спросилъ приставъ, насмѣшливо оглядывая его.

Городовые тоже улыбались. Много ли денегъ могли украсть цыгане у этого грязнаго, оборваннаго человѣка? Бабулака никогда не считалъ своихъ денегъ, потому что не умѣлъ, и не могъ объяснить, на какую сумму обокрали его цыгане. Онъ сказалъ:

— Много! — и показалъ руками, какой величины былъ его сундучокъ.

— Сколько же много?

Бабулака развелъ руками:

— Не знаю...

Приставъ засмѣялся. Засмѣялись и городовые.

И здѣсь обыватели и власти также не любили и боялись цыганъ. И хотя приставъ не вѣрилъ Бабулакѣ, что цыгане украли у него много денегъ, все же онъ согласился пойти утромъ съ городовыми въ таборъ и потребовать выдачи украденнаго и вора. Онъ рассчиталъ, что, если они украли даже самую незначительную сумму, все же это является достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы воспретить цыганамъ стоянку около Аккермана и такимъ образомъ избавиться отъ сосѣдства этого безпокойнаго и опаснаго племени.

Бабулака, обнадеженный приставомъ, спокойно заснулъ тутъ же у его забора.

Но его надежды не оправдались. Утромъ на мѣстѣ табора они нашли только смятую траву и черныя пятна отъ костровъ. И на этотъ разъ уже неизвѣстно было, куда они пошли. Слѣды кибитокъ вели до большой дороги, которая здѣсь развѣтвлялась на три проселочныя: къ Овидіюполю, Одессѣ и Бѣлграду.

Бабулака поглядѣлъ на эти дороги и уныло побрелъ домой.

XXIII.

Обратное путешествіе Бабулаки продолжалось больше недѣли. Пришелъ онъ домой такимъ чернымъ и худымъ, что аисты косо посмотрѣли на него съ крыши, не узнавъ его съ перваго раза. Онъ сѣлъ на землю у двери и заплакалъ.

А къ вечеру того же дня аистино гнѣздо опустѣло. Аисты улетѣли, какъ-будто устыдились, что не уберегли благополучія этого дома.

Ночью къ Бабулакѣ пришли жандармы, обыскали его избу, перерыли весь его скарбъ и забрали его самого съ собой. Его посадили въ тюрьму по подозрѣнію въ торговлѣ контрабандой.

На другой же день ему предъявили шелкъ, шарфъ и платки, проданные имъ въ шинкѣ Фишки Бородатаго рыбному торговцу, и спросили, гдѣ онъ ихъ досталъ. Бабулака сказалъ, что ему дала ихъ Марица. Когда же потребовали къ допросу Марицу, устроили между ними очную ставку, и она заявила, что вещи эти далъ ей Бабулака и что еще лучшія онъ подарилъ дочери ея Параскивѣ — Бабулака плюнулъ и на вопросы больше не отвѣчалъ.

Рыбные торговцы, добровольно явившіеся по этому дѣлу свидѣтелями, подтвердили, что видѣли на Параскивѣ въ день ея свадьбы шелковое платье съ дорогими кружевами и голубой съ золотыми звѣздами шарфъ, и что всѣ знали, что эти вещи подарилъ ей Бабулака. Они сводили съ Бабулакой старые счеты. Отъ самого Бабулаки больше ничего нельзя было добиться. И такъ какъ показанія Марицы и торговцевъ не представляли собой существеннаго матеріала для обвиненія, а другихъ, болѣе вѣскихъ, уликъ противъ Бабулаки не было, то его въ концѣ концовъ выпустили на свободу, продержавъ въ тюрьмѣ почти пять мѣсяцевъ. Онъ вернулся домой въ концѣ января, когда уже давно стояла зима, и его изба была до оконъ занесена снѣгомъ.

Въ избѣ было холодно, пахло снѣгомъ, промерзшія насквозь

сырыя стѣны покрылись изнутри изморозью. Бабулака затопилъ печь ивовыми прутьями, которые понадергалъ изъ плетня, ограждавшаго его владѣнія отъ солончаковой степи. Печь была устроена хорошо, и въ избѣ скоро такъ потеплѣло, что иней на стѣнахъ растаялъ, и снова запахло сыростью и гнилью. Бабулака сидѣлъ передъ огнемъ на корточкахъ и думалъ: что дѣлать? чѣмъ можно заняться зимой, чтобы къ нему снова пришли деньги? и съ чего начинать? и какъ приняться за что-нибудь, не имѣя ни копейки за душой?..

Бабулака надумалъ пойти къ Фишкѣ Бородатому, чтобы попросить у него взаймы немного денегъ для разживы. Фишка ему не откажетъ. Фишка считаетъ его умнымъ и дѣльнымъ человекомъ и хорошо къ нему относится. Онъ даже былъ у Бабулаки на свадьбѣ, а это что-нибудь да значить.

XXIV.

На другой день, прослышавъ объ освобожденіи Бабулаки, къ нему пришла Марица, чтобы узнать отъ него что-нибудь о Параскивѣ. Она сильно похудѣла и постарѣла — отъ стыда ли за Параскиву, отъ тоски ли по ней, или просто потому, что время ей пришло постарѣть. Тотчасъ же послѣ бѣгства дочери, считая себя навсегда опозоренной ею, она продала свой домъ и купила маленькую избушку за крѣпостью, чтобы спрятаться отъ людей и скрыть свой позоръ отъ человѣческихъ глазъ. Тамъ она жила тихо и одиноко, ожидая весны и появленія на солончаковомъ полѣ цыганскаго табора, съ которымъ ушла Параскива. Она надѣялась, что Параскивѣ скоро надоѣстъ бродячая, неудобная и тяжелая цыганская жизнь, и что она весной непременно вернется домой.

Марица опустила на лавку у двери и заплакала, прижавъ къ глазамъ конецъ шали. И, плача, спросила:

— Видѣлъ Параскиву?..

Бабулака былъ золъ на нее за то, что она показывала противъ него, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ; кромѣ того, его охватывала неудержимая злоба при одномъ упоминаніи имени Параскивы. Онъ трижды яростно плюнулъ и сказалъ:

— Видалъ!

Марица встрепенулась, отняла шаль отъ лица и съ тревогой посмотрѣла на него:

— Ну что?..

Бабулака отвернулся:

— Деньги не отдала!..

— Да я не о томъ!.. — заволновалась Марица. — Какъ она? Похудѣла? Плохо ей у цыганъ?.. Не говорила, когда придетъ?..

— Пусть ей добра не будетъ!.. Весной придетъ!..

Лицо Марицы освѣтилось радостью. Но тотчасъ же она задумалась и печально подперла щеку рукой. Помолчавъ немного, она тихо сказала, словно про себя:

— Если бы только пришла!..

Она снова заплакала и прижала къ глазамъ конецъ шали. Потомъ, внезапно оживившись, заговорила съ радостной убѣжденностью:

— Она броситъ цыгана!.. Я знаю!.. Гдѣ ей жить по-ихнему!.. — Спыхватившись, она бросила испуганный взглядъ на Бабулаку, сердито возившагося у печки, и прибавила, какъ бы извиняясь, со слезами на глазахъ: — Вѣдь, родная!.. Какая ни на есть, а горько мнѣ за нее!..

Бабулака упорно молчалъ. Марица покосилась на него и осторожно сказала:

— Ты, я знаю, не простишь, да и нельзя тебѣ простить еѣ!.. Пусть ужъ она придетъ ко мнѣ!..

Къ ея крайнему удивленію, эти слова произвели на Бабулаку такое сильное впечатлѣніе, словно его хлестнули по спинѣ кнутомъ. Онъ вскочилъ и даже подпрыгнулъ на мѣстѣ, лицо его перекопилось, носъ, почти касавшійся подбородка, совсѣмъ побавровѣлъ, и платокъ, которымъ, какъ всегда, была повязана его голова, съѣхалъ на одно ухо, обнаживъ съ одной стороны его голый черепъ. Онъ махалъ руками и кричалъ, брызжа слюной:

— Параскива тутъ будетъ! Бабулака можетъ простить, можетъ убить! Ни кто не смѣетъ сказать: зачѣмъ простилъ? зачѣмъ убилъ?.. Моя жена! Мое дѣло!..

Марица поняла его гнѣвъ по-своему: Бабулака все еще лю-

бить Параскиву. Она тотчасъ же признала, что у него больше правъ на Параскиву, чѣмъ у нея, и покорно опустила голову.

— Богъ съ тобой, Бабулака! Кто жъ и говоритъ!.. — сказала она со вздохомъ: — я вѣдь только такъ!..

Бабулака уже снова возился у печки, не обращая на нее никакого вниманія, словно ея здѣсь и не было. Марица встала и, постоявъ немного у двери, грустно сказала:

— Ну, прощай, Бабулака!.. Приходи ко мнѣ, когда захочешь!.. Кофе пить будемъ!..

Бабулака хмуро поглядѣлъ на нее и ничего не сказалъ. Подождавъ, пока на улицѣ затихли ея шаги, онъ и самъ ушелъ изъ избы.

Зима для здѣшнихъ мѣстъ была непривычно суровая. Морозъ доходилъ до пятнадцати градусовъ, и снѣгъ лежалъ на улицахъ огромными сугробами. У Бабулаки не было ничего теплаго, кромѣ его плѣшивой бараньей шапки, и онъ порядочно прозябъ, пока добрался до Фишки.

Первое, что его удивило и повергло въ недоумѣніе, — было то, что шинокъ Фишки, несмотря на будній день, былъ закрытъ, и, сколько онъ ни стучался, никто ему не отперъ двери, хотя въ квартирѣ, — видно было черезъ полузамерзшія окна, — толклось много народу. Необычное сборище людей въ Фишкиной квартирѣ также показалось Бабулакѣ удивительнымъ и непонятнымъ, потому что Фишка никогда не задавалъ пировъ, и единственное, что онъ позволилъ себѣ, можетъ-быть, за всю свою жизнь, это — отпраздновать свадьбу своей дочери Ханны. Но удивительнѣй всего было то, что въ домѣ кто-то дико, отчаянно не то вылъ, не то плакалъ, и этотъ непрерывный, жалобный вой наводилъ тоску и хваталъ за сердце.

Бабулака зашелъ со двора — и опять, какъ и на свадьбѣ, увидѣлъ въ Фишкиныхъ комнатахъ гостей въ черныхъ сюртукахъ и шелковыхъ картузахъ. Но праздничнаго оживленія здѣсь теперь не замѣчалось, напротивъ — всѣ были тихи, хмуры, грустны, и въ столовой не было приготовлено на столѣ ни напитковъ ни какихъ бы то ни было яствъ. Крикъ же, похожій на вой, который Бабулака услышалъ еще на улицѣ, исходилъ изъ спальни, изъ дверей которой, какъ разъ навстрѣчу Бабулакѣ, вышелъ Фишка Бородатый, съ совсѣмъ бѣлымъ, какъ бумага, лицомъ и красными, плачущими глазами. Слезы у него бѣжали изъ глазъ по щекамъ и по бородѣ на черный, праздничный сюртукъ. Онъ увидѣлъ Бабулаку, закрылъ глаза рукой, и изъ-подъ его пальцевъ еще быстрѣй и обильнѣй заструились слезы.

— Вы были у меня на свадьбѣ моей дочери, — сказалъ онъ, плача: — а теперь пришли на похороны!.. У меня большое горе!.. Моя Ханна умерла!..

Бабулака сочувственно покачалъ головой, подумавъ при этомъ, что теперь просить у Фишки денегъ нельзя. Онъ сказалъ Фишкѣ въ видѣ утѣшенія:

— У меня тоже бѣда!..

— Ахъ, ваша бѣда не такая! — возразилъ печально Фишка. — Я хотѣлъ бы, чтобы моя Ханна ушла отъ меня на край свѣта, только бы я зналъ, что она жива!..

Онъ считалъ Бабулакиной бѣдой то, что отъ него ушла Параскива. Бабулака объяснилъ ему, въ чемъ состояло его настоящее несчастье.

— У меня всѣ деньги украли, — сказалъ онъ и развелъ руками, показывая, что у него совсѣмъ-таки ничего не осталось.

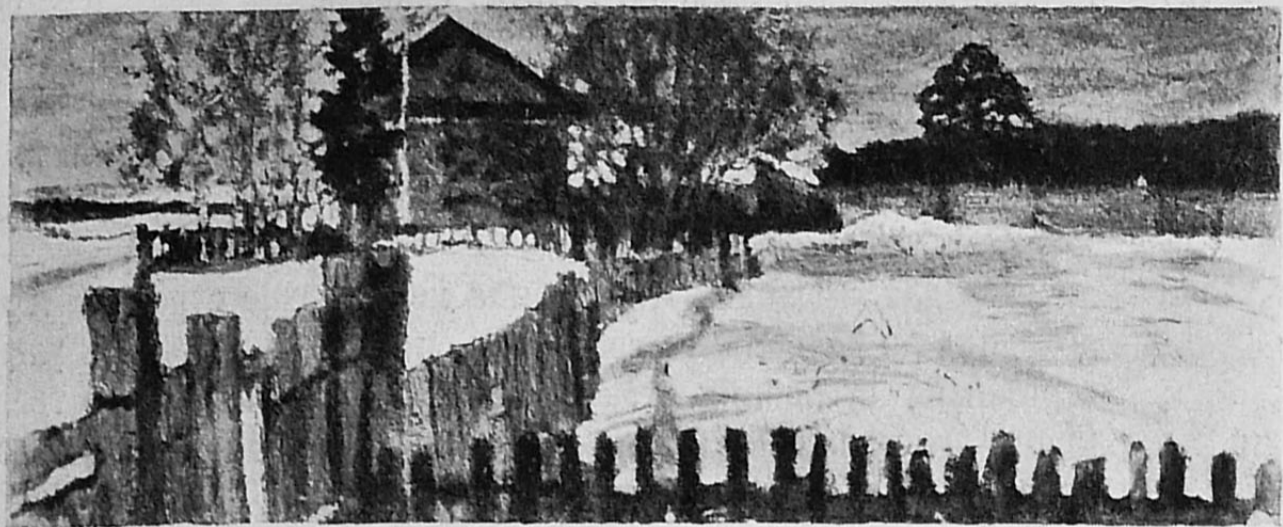
Фишка опять прижалъ пальцы къ глазамъ и покачалъ головой:

— Что такое деньги?.. Я отдалъ бы всѣ свои деньги и вещи и домъ, чтобы вернуть мою Ханну!.. Если бы только можно было ее вернуть!..

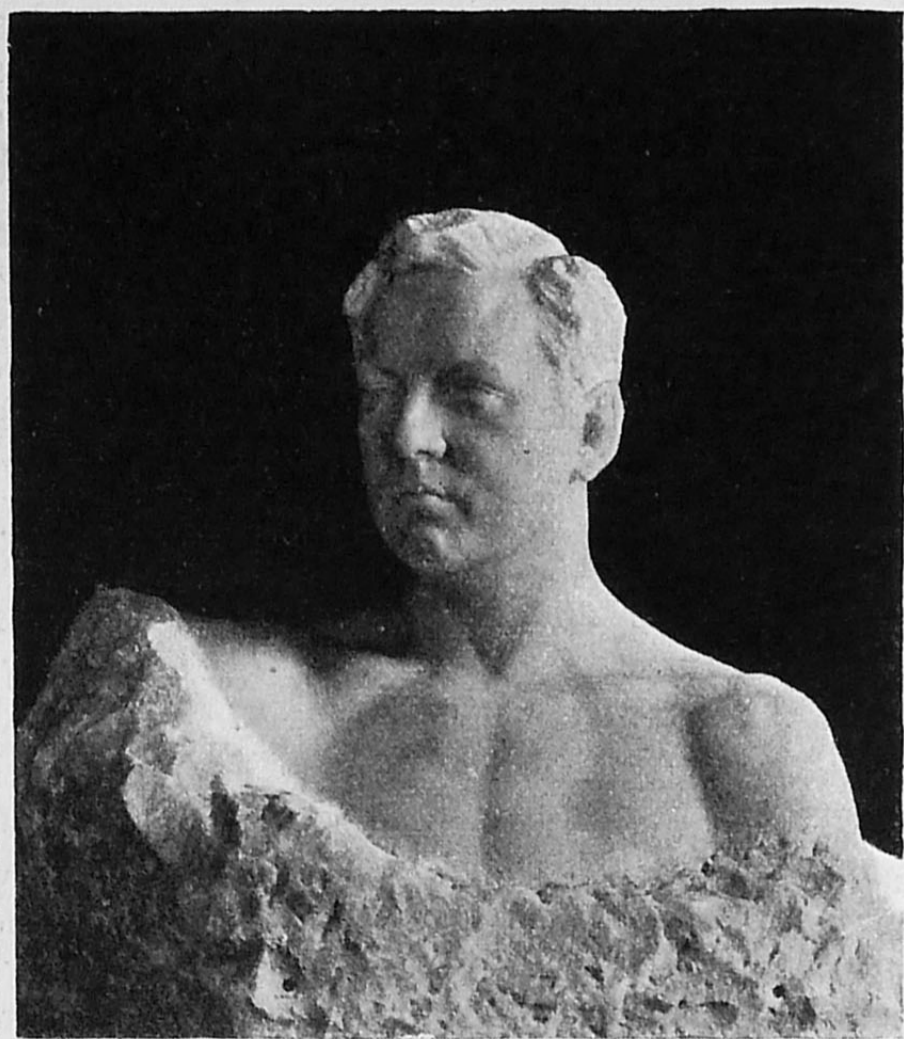
Онъ отвернулся, всхлипнулъ и пошелъ отъ него прочь. Въ дверяхъ спальни показалась Двойра. Старуха имѣла совсѣмъ видъ помѣшанной; все лицо ея непрерывно дергалось судорожной гримасой страданія, а глаза были неподвижны, мутны и сухи. Она уже не могла плакать слезами и только жалобно выла, качая на ходу головой, какъ автоматъ, и ломая свои старые, сухіе пальцы. Фишка обнялъ ее и нѣжно прижалъ къ себѣ, и они оба плакали о своей Ханнѣ, онъ — тихими, неудержимо струившимися изъ глазъ слезами, она — этимъ рвущимъ за сердце воемъ.

Бабулака осторожно заглянулъ въ спальню и увидѣлъ тамъ лежавшее на полу, ногами къ двери, мертвое тѣло, накрытое съ

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ
„СОЮЗА РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ”
1912 г.

Л. Туржанскій. Ранней весной.

С. Судьбининъ. Артистъ Д. А. Смирновъ.

Л. Пастернакъ. Урокъ.

А. Степановъ. Въ праздничный день.

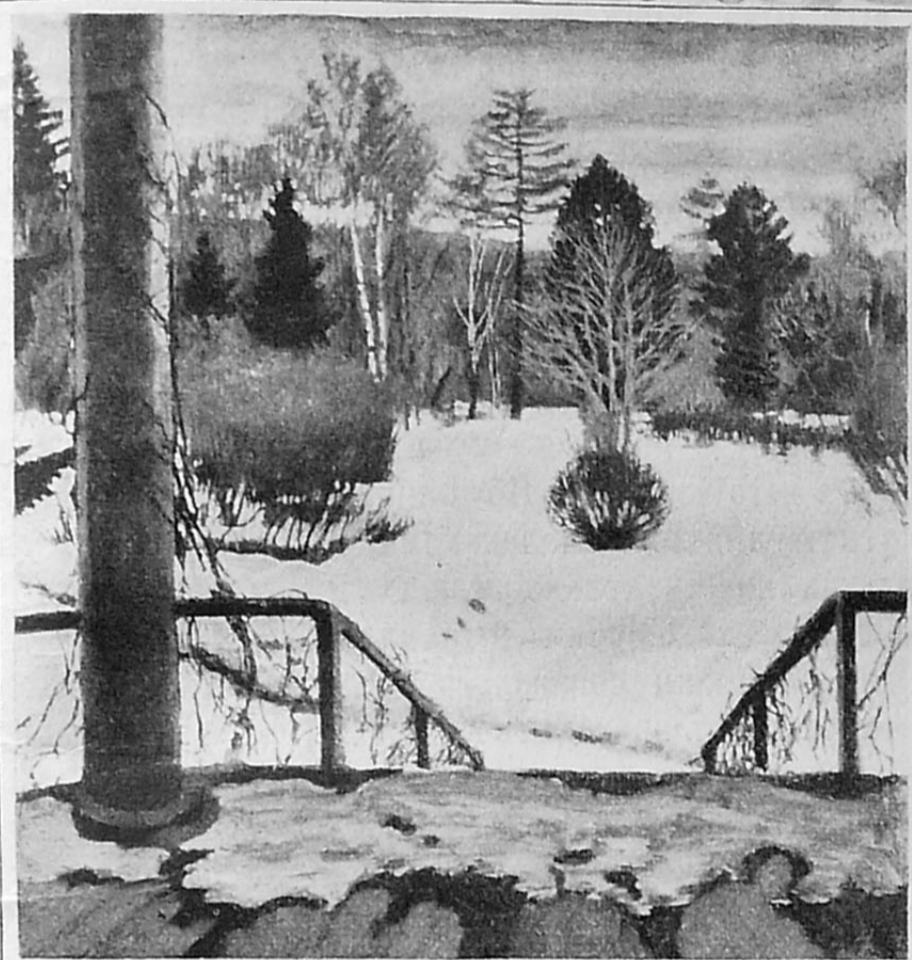
С. Жуковскій. Весенняя вода.

А. Рыловъ. Пейзажъ.

В. Суриковъ. Монахъ.

С. Виноградовъ. Весна идетъ.

К. Коровинъ. Портретъ Ф. И. Шаляпина.

И. Бродскій. Художникъ съ дочерью.

головой чернымъ покрываломъ, среди котораго серебряной тесьмой была нашита звѣзда изъ двухъ треугольниковъ — щитъ Давида. Около тѣла сидѣлъ на стулѣ старый еврей и бормоталъ по книгѣ молитвы. Тутъ пахло смертью, трупомъ, и этотъ запахъ чувствовался даже сквозь винныя испаренія, которыя подымались изъ погреба отъ огромныхъ, наполненныхъ виномъ, бочекъ и наполняли Фишкину квартиру... Бабулака отошелъ отъ двери и столкнулся съ Юськой Китцисомъ, который выглядѣлъ такимъ убитымъ и несчастнымъ, что жалко было на него смотрѣть. Онъ тоже вспомнилъ, что Бабулака былъ у него на свадьбѣ, и слабо улыбнулся ему печальной, кривой, жалкой улыбкой, и глаза его наполнились слезами.

Бабулака тронулъ его за рукавъ и, желая выразить ему свое участіе, спросилъ:

— Отчего скончалась?

— Чтò значить—отчего?.. Развѣ я могу знать?.. Отъ смерти!.. Вы лучше скажите: зачѣмъ Ханна умерла?.. Кому нужно было, чтобы она умерла?.. Кому мѣшало, что Юська Китцисъ былъ счастливый?.. Ахъ, кто-то ужъ такъ нарочно дѣлаетъ, чтобы еврей не знали счастья!.. Развѣ вы видѣли когда-нибудь, чтобы еврей былъ такъ-таки, какъ настоящій человѣкъ, счастливый?.. Если вы увидите его сегодня счастливимъ, такъ знайте, что завтра онъ уже будетъ совсѣмъ несчастный!..

Ему хотѣлось долго изливаться въ своемъ горѣ и на кого-то жаловаться, но онъ не зналъ, на кого, и, беспомощно сдвигая шапку на затылокъ, вдругъ глубоко задувался и стоялъ неподвижно, погружившись въ свое несчастье съ горькимъ, тяжелымъ недоумѣніемъ: откуда взялось это горе? какъ оно могло такъ сразу, неожиданно свалиться на него?..

Очнувшись, онъ продолжалъ, грустно пожимая плечами:

— Докторъ сказалъ — винный воздухъ!.. Будто Ханна не могла у меня жить, потому что привыкла къ винному воздуху въ Фишкиномъ домѣ!.. Ну, я васъ спрашиваю, развѣ это можетъ быть?.. Онъ сказалъ на Ханну, что она алкоголикъ, — за такое слово ему нужно плюнуть въ лицо и больше ничего!.. Развѣ видѣлъ кто-нибудь, чтобы Ханна пила вино?.. Спросите у Фишки, у Двойры — она никогда вина въ ротъ не брала!.. И это неправда, что онъ сказалъ!.. И я ему сказалъ, что онъ не имѣетъ никакого права говорить на Ханну такія слова, и что онъ — шарлатанъ!.. И я позвалъ другого доктора и еще третьяго, и тѣ доктора тоже не могли узнать, какая у нея болѣзнь. Они только сказали, чтобы я попробовалъ отвезти ее назадъ въ Фишкинъ домъ... Это — одни глупости, чтò они говорили... Я ихъ не послушалъ и отвезъ Ханну въ Одессу... Ну и чтò жъ?.. Тамъ ей стало совсѣмъ нехорошо... Чтò же мнѣ было еще дѣлать?.. Нужно было испробовать все!.. И я повезъ ее назадъ къ Фишкѣ... Въ первую недѣлю она какъ-будто стала поправляться... Только вдругъ въ одну ночь она такъ крѣпко заснула, что уже не могла проснуться... И такъ и не проснулась... И вы спрашиваете, отчего Ханна умерла?.. Такъ я тоже васъ спрашиваю: отчего Ханна умерла?..

Онъ отошелъ отъ Бабулаки, сѣлъ у стѣны на стулѣ и, согнувшись, снова погрузился въ печальное недоумѣніе своего горя.

Черезъ столовую торопливо пронесли узкій, черный гробъ съ той же серебряной шестигульной звѣздой на крышѣ. Увидѣвъ его, Двойра пронзительно закричала и грохнулась на полъ въ обморокъ. Фишка закрылъ себѣ глаза руками и, отвернувшись, тихо рыдалъ, трясая своей длинной, бѣлой бородой... Юська Китцисъ, взглянувъ на гробъ, вскрикнулъ, схватился рукой за грудь, поднялся и опять упалъ на стулѣ — и вдругъ зарыдалъ во весь голосъ, такъ отчаянно, съ такимъ безуміемъ горя, что страшно становилось за его грудь, разрываемую этимъ ужаснымъ, нечеловѣческимъ рыданіемъ.

Бабулака незамѣтно выбрался на улицу и побѣжалъ домой, подпрыгивая на ходу отъ прохватывавшаго его насквозь мороза.

XXV.

Пока Бабулака блуждалъ по татаръ-бунарскимъ и аккерманскимъ степямъ и потомъ сидѣлъ въ тюрьмѣ — сдѣлка его съ рыбаками разстроилась сама собой, да и денегъ у него больше не было, чтобы закупать у нихъ рыбу. А торговцы, избавившись отъ посредничества Бабулаки, предусмотрительно сами заключили съ рыбаками условіе, чтобы уже никто не могъ мѣшаться въ это дѣло. При этомъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, они такъ

прижали и скрутили рыбаковъ, что тѣ только покряхтывали да чесали затылки, вспоминая, какъ хорошо у нихъ шло дѣло съ Бабулакой.

Но объ этомъ они должны были забыть, потому что Бабулака не могъ больше заниматься такими крупными дѣлами. Разжившись у Фишки самой пустячной мелочью, онъ повелъ очень скромную торговлю, снова занявъ мѣсто среди бабъ на базарѣ, но уже не съ рыбой, а съ подмороженнымъ картофелемъ, подгнившей капустой и испорченными фруктами, словомъ — съ товаромъ, который болѣе крупные торговцы бракуютъ и сбываютъ за безцѣнокъ, лишь бы не выбрасывать. Покупателемъ этого товара являлась та же невзыскательная бѣднота, но прибылъ Бабулака имѣлъ самую ничтожную, едва хватавшую на хлѣбъ и камышь для отопления избы. О томъ, чтобы скопить что-нибудь, нечего было и думать... О своихъ пропавшихъ деньгахъ онъ часто вспоминалъ съ глубокимъ огорченіемъ и досадой и нерѣдко, подумавъ о нихъ во снѣ, вскакивалъ, хлопалъ себя руками по бедрамъ и бормоталъ проклятія по адресу Параскивы и Журяна.

Онъ не могъ равнодушно слышать имени Параскивы и, если кто-нибудь при немъ упоминалъ его по какому-нибудь поводу — начиналъ весь дрожать и съ перекошеннымъ отъ злобы лицомъ отшлепывался и неистово ругался. Смѣшныя гримасы, которыя онъ выдѣлывалъ при этомъ, забавляли базарныхъ торговцевъ и уличныхъ мальчишекъ, которымъ ничего не стоило изъ несчастья человѣка сдѣлать себѣ забаву. Его стали дразнить именемъ Параскивы вездѣ, гдѣ только онъ ни появлялся, взрослые, дѣти и старики, доводя его до бѣшенства, въ которомъ онъ почти терялъ рассудокъ. Нужно было видѣть, съ какой яростью, потрясая палкой и разсыпая по дорогѣ изъ своей корзины картофель или яблоки, онъ гонялся по улицамъ за мальчишками, кричавшими со всѣхъ сторонъ и на всѣ голоса ненавистное ему имя! Если бы кто-нибудь попался ему въ руки — онъ навѣрно не ушелъ бы отъ него живымъ! Но Бабулака, съ его старыми ногами, не угнаться было за маленькими, приткими разбойниками; его безсильная ярость только смѣшила ихъ и подзадоривала къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ и травлѣ ополоумѣвшаго старика.

Зима для Бабулаки показалась очень короткой, потому что большую ея часть онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ. Едва минулъ январь — какъ повѣяло влажнымъ юго-западнымъ вѣтромъ, сугробы на улицахъ стали осѣдать, темнѣть, и ледъ на Дунаѣ посинѣлъ, раздѣаемый влагой вѣтра и ночными туманами... Въ половинѣ февраля уже нельзя было переправляться на лошадяхъ по льду въ румынскую Старую Килію, потому что ледъ гнулся и трещалъ, грозя каждую минуту проломиться подъ тяжестью лошадей и телѣги. А спустя еще нѣсколько дней, ледъ вздулся подъ напоромъ воды, и однажды ночью по всему широкому пространству Дуная пошли такой трескъ, такая пальба и грохотъ, что обыватели тревожно покачивали головами, и прислушиваясь къ этой яростной борьбѣ дунайскихъ водъ, освобождавшихся отъ своихъ зимнихъ оковъ.

На утро Дунай тронулся, и жители городка высыпали на берегъ смотрѣть ледоходъ. вмѣстѣ съ другими пришелъ на крѣпостной валъ и Бабулака съ своей корзинкой, наполненной гнилыми яблоками, сушеной грушей и жареной кукурузой. Глядя на шумно несущіяся къ Черному морю огромныя льдины, Бабулака испытывалъ въ нѣдрахъ уже знакомый ему зудъ странствія и раздумывалъ — куда пойти. Въ какихъ мѣстахъ онъ не былъ? Гдѣ еще не искалъ счастья?..

Въ этотъ день Бабулака не ходилъ на базаръ и вернулся домой еще задолго до вечера, полный глубокаго раздумья о новыхъ поискахъ счастья. Даже на мальчишекъ, дразнившихъ его именемъ Параскивы, онъ не обращалъ вниманія, а ночью долго не могъ заснуть, взволнованно прислушиваясь къ стоявшему надъ городкомъ глухому рокоту и шуму ледохода... Пусть только еще немного потеплѣетъ, спадетъ весенняя вода и просохнутъ дороги. Бабулака отправится въ новый путь, туда, гдѣ онъ еще не былъ, гдѣ еще никто не знаетъ, какой человѣкъ Бабулака, и какія дѣла онъ можетъ дѣлать!..

XXVI.

Но Дунай очистился отъ льда, и рыбаки, просмоливъ свои лодки и сѣти, отправились въ дунайскіе рукава на рыбную ловлю; солнце давно пригрѣвало, и на улицахъ городка, въ началѣ весны

непроходимыхъ отъ глубокой, жидкой грязи, уже были протоптаны тропинки; у паровой пристани два раза въ недѣлю дымилъ и гремѣлъ лебедкой одесскій пароходъ „Ольга“; прошли еврейская и христіанская пасхи; дунайскій разливъ снова покрылъ солончаковое поле и добрался до ивовой ограды Бабулакина двора,—а Бабулака все не уходилъ, все чего-то ждалъ, какъ-будто ему нужно было, прежде чѣмъ уйти изъ этихъ мѣстъ, сдѣлать какое-то важное дѣло, для котораго еще не пришло время.

Наконецъ прилетѣли аисты, и снова на крышѣ Бабулакиной избы началась хлопотливая возня съ трескомъ клювовъ и хлопаньемъ крыльевъ. По вечерамъ, стоя на одной ногѣ на гребнѣ крыши, задумчиво опустивъ книзу длинные, красные клювы, они искоса поглядывали на Бабулаку, сидѣвшаго часами безъ дѣла у порога избы, какъ-будто хотѣли ему сказать: „Эге, братъ, у тебя за зиму, пока насъ не было, дѣла пошли совсѣмъ плохо; вотъ мы опять зажили на твоей крышѣ, и подъ ней снова должны поселиться миръ и благополучіе; только нельзя сидѣть такъ, сложа руки, нужно что-нибудь дѣлать... Возьми-ка опять свой сачокъ, корзину—и займись тѣмъ, съ чего ты начиналъ въ прошломъ году...“

Но Бабулакѣ ничего не хотѣлось дѣлать; онъ даже на базаръ пересталъ ходить, а раскладывалъ у порога свой товаръ и ждалъ случайныхъ покупателей — и еще чего-то, и видно было по его небрежному отношенію къ своей торговлѣ, что это *что-то* было для него гораздо важнѣе, чѣмъ самый выгодный покупатель. Одинъ разъ, какъ-будто устыдившись аистовъ, онъ пошелъ съ сачкомъ бродить по разливу — и вернулся съ пустой корзиной, съ красными отъ укусовъ комаровъ лицомъ и руками. Въ эту весну въ разливѣ совсѣмъ не было рыбы, можетъ-быть, потому, что вода была очень мелка, не больше четверти аршина глубины. Зато лягушекъ, слизняковъ и другихъ гадовъ было неисчислимое множество, и аистамъ и пелеканамъ не нужно было употреблять большихъ усилій, чтобы набивать ими свои зобы. И комаровъ въ этомъ году, благодаря теплой и влажной веснѣ, было такъ много, что на закатѣ отъ ихъ жужжанія гудѣлъ весь воздухъ. Бабулака равнодушно бросилъ въ уголъ сачокъ и корзину и больше уже не слушалъ совѣта аистовъ и никуда не отлучался отъ порога своей избы.

Каждое утро, проснувшись, онъ прежде всего глядѣлъ въ окошко, выходящее на солончаковое поле, проявляя все большее и большее волненіе по мѣрѣ того, какъ тамъ спадала вода. Въ эти дни къ нему часто захаживала Марица, которая также съ волненіемъ посматривала на убывающую за избой Бабулаки воду. Она останавливалась на улицѣ передъ его корзиной и грустно, подперевъ щеку рукой, спрашивала:

— Ну, чтò слышно, Бабулака?..

Онъ не отвѣчалъ и не смотрѣлъ на нее, копаясь въ своей корзине, и она, подождавъ немного, качала головой, словно тоже, какъ аисты, хотѣла упрекнуть его въ томъ, что онъ занимается пустяками и нисколько не заботится о своемъ благополучіи... Потомъ она осторожно говорила какъ бы сама съ собой:

— Что-то долго эту весну не спадаетъ вода... Пора бы уже...

Ей хотѣлось поговорить о Параскивѣ, но она боялась произносить ея имя, которое приводило Бабулаку въ бѣшенство. И она ограничивалась только одними намеками на близость возвращенія дочери.

Стараясь задобрить его, она приносила ему хлѣба и кое-чего отъ своего обѣда и клала около него на землю. Бабулака дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея приношенія, и не прикасался къ нему, пока она не уходила. Однажды она принесла ему рубль мѣдью и также положила около него на землю; послѣ этого, все же опасливо поглядывая на него, она отважилась сказать:

— Какъ придетъ Параскива — сейчасъ дай мнѣ знать... Все же я ей мать...

Но и рубль денегъ ничего не помогъ. Бабулака замахнулся на нее палкой, и она едва успѣла отклонить въ сторону голову, такъ что ударъ пришелся ей по плечу. Вздохнувъ, Марица поплелась домой, а Бабулака, разсердившись, убрался съ своей корзиной въ избу.

Вода совсѣмъ сошла съ солончаковаго поля только въ концѣ апрѣля, а въ началѣ мая Марица уже прибѣжала сказать Бабу-

лакѣ, что кто-то изъ ея знакомыхъ видѣлъ около Байрамчи цыганскій обозъ, направлявшійся въ ихъ сторону. Бабулака ничего не сказалъ, только скрипнулъ остатками своихъ гнилыхъ зубовъ и сердито заворочался на мѣстѣ.

Но прошелъ день, другой, третій—цыгане не показывались, и еще разъ пришла къ Бабулакѣ Марица, грустная, съ заплаканными глазами, и сказала, что рыбаки видѣли цыганъ около Рени,—тамъ они разбили шатры...

— Теперь уже нечего больше ждать... — сказала она и заплакала.

Бабулака ушелъ въ избу и сталъ собираться въ путь.

XXVII.

Послѣдняя ночь, проведенная Бабулакой въ своей избѣ, была тяжелой, тревожной. Все казалось, что около избы кто-то ходитъ и заглядываетъ въ окна то со двора, то съ улицы. Онъ вставалъ и подходилъ къ окну, но никого не видѣлъ. Ночь была лунная, въ одно обно видна была улица, въ другое—дворъ и солончаковое поле, и ни здѣсь ни тамъ не было ни одной живой души. Но только онъ ложился—какъ опять казалось, что вокругъ избы кто-то ходитъ и мелькомъ, на ходу, заглядываетъ въ окна.

Позже гдѣ-то недалеко уже явственно слышались глухіе, сдавленные стоны. Бабулака поднялъ голову и прислушался. Да, это уже не казалось,—кто-то на самомъ дѣлѣ стоналъ около избы со стороны двора, и все мучительнѣй и громче. Въ маленькое окно ничего нельзя было разглядѣть, и Бабулака рѣшилъ пойти осмотрѣть дворъ. Когда онъ вышелъ изъ избы — стоны замолкли; онъ обошелъ весь свой пустырь — и никого не нашелъ. Вдругъ снова слышался глубокой вздохъ и потомъ протяжный, слабый крикъ боли:

— А-а-а-а!..

Посреди двора темнѣла яма, изъ которой Бабулака бралъ въ прошломъ году землю, чтобы обмазывать стѣны избы. Крикъ какъ-будто шелъ изъ этой ямы. Нагнувшись у края, Бабулака сначала увидѣлъ запрокинутое назадъ лицо съ большими черными впадинами глазъ, потомъ разсмотрѣлъ тѣло женщины съ подбрюшными къ животу колѣнями, дѣлавшее грудью и животомъ судорожныя, волнообразныя движенія, словно старавшееся выкинуть изъ себя раздиравшую его боль. Женщина снова было-застонала сквозь стиснутые зубы, но, замѣтивъ надъ собой Бабулаку, испугалась и затихла.

Это была Параскива... Бабулака только сказалъ:

— Ага!..

И продолжалъ молча разсматривать ее.

Параскива скрежетала зубами, стараясь сдерживать стоны. Она тяжело дышала и вся корчилась отъ болей, которыя сосредоточивались, повидимому, въ животѣ. Чуть пріоткрывъ глаза, она слѣдила за Бабулакой, пугаясь его оскаленныхъ зубовъ, стараясь понять — отъ радости у него это или отъ злобы... Она сказала, съ трудомъ переводя дыханіе, какъ бы оправдываясь:

— Шла къ матери... она здѣсь уже не живетъ... А тутъ вдругъ схватило!..

— Чтò у тебя?—спросилъ Бабулака, не переставая скалить зубы.

— Видишь, рожаю...

— Вылѣзай!..

— Не могу...

Она громко застонала и вся задвигалась на днѣ ямы, царапая руками землю. Бабулака тоже безпокойно задвигался, откинулся, потомъ снова нагнулся къ ней и сердитымъ шепотомъ крикнулъ:

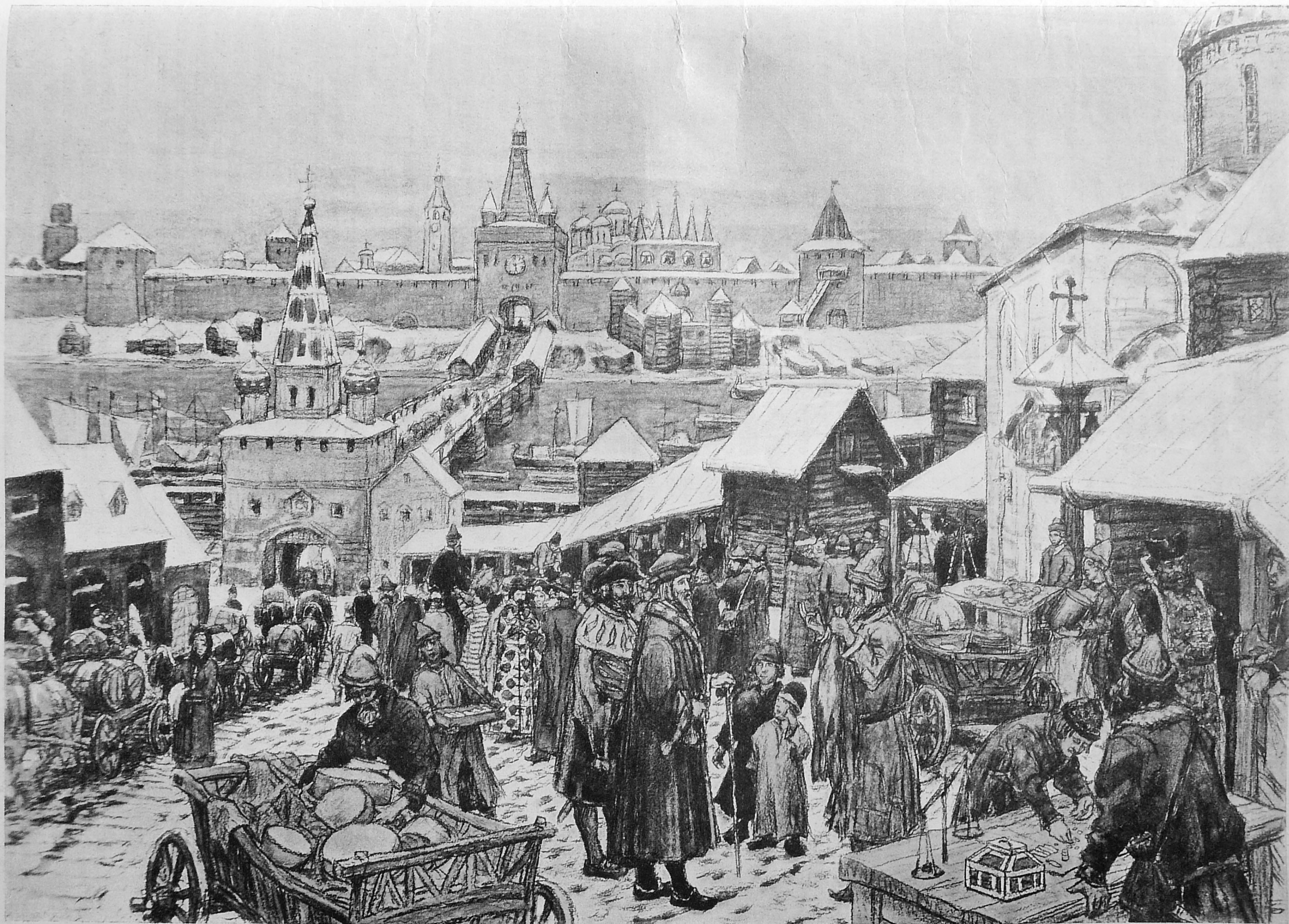
— Не надо кричать!.. Бабулака прогонитъ, если будешь кричать!..

Параскива улыбнулась ему испуганной, жалкой улыбкой:

— Не буду... Помогите встать... я уйду...

Она приподнялась, сѣла, но тотчасъ же со стономъ откинулась назадъ, и ея лицо почернѣло и перекопилось отъ нестерпимой боли. Черезъ нѣсколько минутъ слышался слабый, жалобный крикъ ребенка.

Бабулака бросился въ избу и принесъ оттуда какія-то тряпки. Параскива лежала неподвижно, въ полуобморочномъ состояніи, съ закрытыми глазами, глубоко отдыхая отъ перенесенныхъ мученій. Завернувъ новорожденную дѣвочку въ тряпки, Бабулака

А. Васнецовъ. Торгъ въ Великомъ Новгородѣ.

поднять ее надъ ямой, чтобы разсмотрѣть при свѣтѣ луны. Лицо у ребенка было смуглое, а головка совсѣмъ черная. Бабулака презрительно сказала:

— Цыганку родила!..

Параскива, очнувшись, увидѣла въ его рукахъ ребенка и испуганно поднялась.

— Дай мнѣ его! — сказала она, протягивая къ нему руки.

— Не надо! — сказалъ Бабулака. — Къ Марицѣ пойдёмъ...

Она съ трудомъ вылезла изъ ямы и, шатаясь отъ слабости, пошла за нимъ.

Бабулака забѣжалъ въ избу, взялъ шапку и узелокъ, который онъ приготовилъ вчера для дороги, заперъ дверь на замокъ и съ ребенкомъ Параскивы на рукахъ пошелъ по улицѣ, даже не оглянувшись на нее.

Часъ ночи былъ поздній, вторые пѣтухи давно пѣли, и уже недалеко было до разсвѣта. Въ это время даже собаки спятъ глубокимъ предутреннимъ сномъ. Не слышно было уже и лягушекъ, и тишина въ городѣ стояла мертвая, жуткая, не нарушаемая ни однимъ звукомъ жизни... Параскива со страхомъ смотрѣла на сгорбленную спину Бабулаки, который шелъ молча, казалось, нисколько не интересуясь тѣмъ, идетъ ли она за нимъ. Она выбивалась изъ послѣднихъ силъ, чтобы не отставать отъ него.

Окончилась улица, и потянулся невысокій валъ старой, давно разрушенной, турецкой крѣпости. Бабулака взомель на валъ, и, когда сталъ спускаться съ него по ту сторону, Параскива, потерявъ его изъ виду, испугалась и, теряя силы, побѣжала за нимъ вверхъ по склону вала, падая на руки, подымаясь и снова падая. Бабулака стоялъ съ другой стороны вала, ожидая ее. Она упала около него на землю въ полномъ изнеможеніи:

— Не могу больше!.. Дай отдохнуть!..

Она закрыла глаза, лишаясь сознанія, тихо повалившись головой на землю. Бабулака торопливо пошелъ куда-то въ сторону.

За крѣпостью, у самага берега Дуная, лежалъ рыбачій поселокъ — кучка безпорядочно разбросанныхъ избушекъ и землянокъ, построенныхъ на сваяхъ, чтобы ихъ не смыло и не заливало во время весенняго разлива. Здѣсь также было пусто и тихо, только рыбачьи лодки, привязанные у берега, чуть покачиваясь на водѣ, терлись бортами одна о другую и слабо, жалобно скрипѣли... Пахло просмоленными сѣтями и рыбой...

Бабулака остановился у самой послѣдней избы и тихо постучалъ въ окно. Кто-то изнутри посмотрѣлъ въ стекло и пропаль, потомъ въ избѣ замигалъ свѣтъ, взвизгнувъ засовъ, и открылась дверь. На порогѣ показалась Марица — въ одной рубашкѣ, растрепанная, сонная.

— Чего ты? — спросила она, протирая кулаками глаза. — Куда въ такую рань?..

Бабулака протянулъ ей ребенка. Марица всплеснула руками:

— Да что это? Откуда?..

— Параскивина цыганка...

— А гдѣ жъ Параскива?..

Бабулака махнулъ рукой. Зубы его опять оскалились:

— Ушла...

— Ахъ, ты, Господи... Куда жъ она ушла?..

— Не знаю...

— И ребеночка бросила?..

Марица снова всплеснула руками и заплакала. Бабулака совалъ ей въ руки ребенка:

— Возьми... Я пойду...

Она взяла ребенка и поднесла его къ своему лицу:

— И правда, что цыганка!.. Что жъ я буду теперь съ ней дѣлать?..

Бабулака ничего не сказалъ и пошелъ назадъ.

XXXIII.

Онъ нашель Параскиву на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставилъ. Она только-что очнулась и искала его, испуганно поводя глазами. Онъ ей только сказалъ:

— Пойдемъ...

И, не оглядываясь, пошелъ снова къ рыбачьему поселку. Параскива встала и покорно побрела за нимъ.

У нея въ головѣ шумѣло, мутилось; она была въ полусознаніи

и даже не обратила вниманія на то, что Бабулака вернулся къ ней безъ ребенка. Она не понимала — гдѣ она, что съ нею, и только смутно сознавала, что должна куда-то итти, потому что Бабулака, внушавшій ей страхъ, звалъ ее за собой... И она шла, едва двигая отъ слабости ногами, прикованная къ нему своимъ страхомъ, томимая желаніемъ поскорѣй гдѣ-нибудь лечь, вытянуться, отдохнуть...

Они по берегу обошли рыбачій поселокъ. Бабулака торопился, опасливо поглядывая на востокъ, гдѣ небо уже начинало свѣлѣть. Вдругъ онъ остановился, притянулъ одну изъ рыбачьихъ лодокъ къ берегу, развязалъ веревку и влѣзъ въ лодку, приказавъ Параскивѣ:

— Садись!

Она сѣла на дно лодки, прислонилась спиной къ скамейкѣ и устало закрыла глаза. Она такъ была рада, что могла наконецъ сѣсть и на что-нибудь опереться своимъ измученнымъ тѣломъ, которое все ныло и болѣло...

Бабулака взялся за весла, и узкая, легкая лодка плавно пошла по теченію, покачиваемая свѣжей предутренней зыбью.

Плыли долго. Бабулака молча работалъ веслами, неподвижно, угрюмо глядя на Параскиву. Она же, казалось, заснула или вовсе умерла; даже не видно было, что она дышитъ... Уже давно разсвѣло, а лодка, держась середины Дуная, все шла и шла, удаляясь отъ населенныхъ мѣстъ, углубляясь въ широкія водныя пространства, окаймленные пустынными, безлюдными берегами...

Параскива очнулась только тогда, когда лодка вошла въ плавни, и у бортовъ зашумѣли камыши. Она широко открыла глаза, въ которыхъ какъ-будто блеснуло какое-то воспоминаніе, и вдругъ жалобно, съ тоской и ужасомъ вскрикнула:

— А мой ребеночекъ?.. Гдѣ жъ это я его покинула?..

Она заломила пальцы и заплакала:

— Господи, Боже мой, что жъ это такое!..

Бабулака молчалъ, съ трудомъ работая веслами, движеніямъ которыхъ мѣшалъ густой молодой камышъ. Встревоженные комары тучами поднимались изъ камыша и съ гудѣньемъ злобнаго раздраженія носились надъ лодкой, облѣпляя лицо и руки, забираясь за воротъ и въ рукава, впиваясь въ тѣло даже сквозь платье.

Параскива посмотрѣла на Бабулаку и вокругъ себя — и вдругъ притихла. Мысль о ребенкѣ, мелькнувшая въ ея сознаніи, погасла подъ вліяніемъ другой, страшной, холодившей сердце, мысли. Угрюмое лицо Бабулаки, его упорное молчаніе, пустынные плавни, — она какъ-будто поняла его замыселъ и задрожала, беспомощно озираясь, ища спасенія отъ неминуемой гибели. Въ другое время она справилась бы съ Бабулакой, и не она, а онъ остался бы здѣсь на сѣденіе комарамъ. Но теперь она была такъ слаба, что маленькій ребенокъ одолѣлъ бы ее. Она ухватила за борта, чтобы подняться, но руки безвильно подломились въ локтяхъ, и она снова заплакала, умоляя его побѣлѣвшими отъ ужаса губами:

— Не губи!.. Богомъ прошу, прости!..

Бабулака оскалилъ зубы и молча отвернулся.

— Лучше самъ убей!.. — просила Параскива, протягивая къ нему руки.

Она плача поползла по дну лодки и стала цѣловать Бабулакины туфли; ужасъ смерти билъ ее всю, какъ лихорадка, корчилъ ея тѣло судорогами, исторгалъ изъ ея горла сдавленные, хриплые крики безумнаго отчаянья. Она уже не говорила, а только кричала искривленнымъ отъ страха ртомъ:

— А-а-а!.. О-о-о!..

Она царапала ногтями дно лодки, хваталась руками за борта, приподнималась съ искаженнымъ, позеленѣвшимъ отъ ужаса лицомъ и снова падала, дико крича и въ изступленіи цѣлуя ноги Бабулаки. Она сорвала съ своей головы платокъ и, накрутивъ его на шею, стала затягивать концы, чтобы задушить себя, но руки ея были слабы, и она завывала, какъ загнанная, почувывая смерть, волчица... Но лицо ея вдругъ побѣлѣло, глаза закатились, и она безъ чувствъ повалилась на бокъ...

А Бабулака загонялъ лодку все глубже въ камышевыя дебри, вснугивая дикихъ утокъ, нырковъ и гусей, поднимая отъ утренняго сна комаровъ, злыхъ, голодныхъ, почуввавшихъ кровь и съ

жаднымъ жужжаньемъ устремлявшихся за лодкой. Только на восходѣ солнца онъ остановился, приставъ къ болотистому берегу, заросшему на пять верстѣ камышами. Поднявшись въ лодкѣ, Бабулака послушалъ: въ отдаленіи гоготали дикіе гуси, гдѣ-то недалеко были шакалы и гудѣли въ камышахъ комары. На десятки верстѣ кругомъ не было ни признаковъ человѣческаго жилья ни какихъ-нибудь слѣдовъ человѣческой жизни... Потомъ онъ наклонился къ Параскивѣ, потрогалъ ея руки, лицо, послушалъ дыханье. Она лежала въ глубокомъ обморокѣ.

Бабулака вытянулъ ея тѣло на днѣ лодки, раздвинулъ ея руки и ноги и, положивъ на нихъ поперекъ весла, привязалъ веревкой концы веселъ, кисти рукъ и ступни ногъ къ скамейкамъ лодки такъ, чтобы Параскива, очнувшись, не могла не только подняться, но даже шевельнуться. Когда онъ окончилъ свою ра-

боту — Параскива вдругъ открыла глаза, дернулась и, почувствовавъ себя привязанной, забила въ тѣломъ и закричала нечеловѣческимъ голосомъ.

Не обращая никакого вниманія на ея крики, Бабулака снялъ свои туфли, засучилъ штаны выше колѣнъ и, оттолкнувъ лодку, полѣзъ за ней въ воду. Онъ завелъ ее въ самую густую чащу камышей и тамъ, наклонившись къ кричавшей и бившейся на днѣ лодки Параскивѣ, плюнулъ ей въ лицо и сказалъ:

— Помни Бабулаку!

Онъ вылѣзъ изъ воды, надѣлъ туфли, взялъ свой узелокъ и пошелъ, продираясь сквозь камыши, въ ту сторону, гдѣ за плавнями лежала большая дорога, по которой можно было пойти въ Кишиневъ, Оргѣевъ и еще выше, въ сѣверную Бессарабію...

К О Н Е Ц Ъ.

Пламенные крылья.

Разсказъ М. Кордэ.

Послѣ короткаго разбѣга аэропланъ плавно взвился на воздухъ. И тотчасъ же, оправившись отъ перваго волненія, Клеръ, сидя рядомъ съ Люсьеномъ Шатель на узкомъ сидѣннѣ, испытала прелесть невѣдомаго еще ощущенія. Нѣтъ ни толчковъ колесъ по дорогѣ, ни сотрясенія вагона на рельсахъ, ни морской качки, ни ряби воды на рѣкѣ. Даже движеніе буэра по льду казалось грубымъ и жесткимъ въ сравненіи съ воздушнымъ полетомъ. Обузданный, побѣжденный внезапнымъ натискомъ распростертыхъ крыльевъ, воздухъ становился вѣрнымъ рабомъ человѣка. И громадная машина плавно и мѣрно рѣяла по безчисленнымъ путямъ неба. Проникнутая необыкновеннымъ чувствомъ довѣрія, довольства и гордости, Клеръ хотѣла бы громкимъ крикомъ выразить свое счастье—радость освобожденія отъ земли.

Она чувствовала себя вольной, ничѣмъ не связанной; и это ощущеніе радостной свободы смѣшивалось въ ней съ увѣренностью избавленія отъ ненавистнаго человѣка, имя котораго она принуждена была носить пять лѣтъ подъ рядъ. Законъ возвращалъ ей уже пріобрѣтенную фактически независимость, разрывалъ послѣднее звено цѣпи приговоромъ о разводѣ въ ея пользу. Свободна отнынѣ, свободна, совершенно свободна! И это пареніе въ вольномъ голубомъ эфирѣ символизировало ея освобожденіе. Ей казалось, что она стремится навстрѣчу жизни, вступаетъ въ будущее.

Будущее... Для нея оно было въ рукахъ того, кто увлекалъ ее теперь въ этомъ дивно-грандіозномъ полетѣ. Теперь она забудетъ свой дурной сонъ, начнетъ новую жизнь рядомъ съ найденнымъ наконецъ вновь любимымъ товарищемъ юности. Она будетъ его женой... Она взглянула на него сбоку, подъ легкую фетровую шляпу, надвинутую на лобъ, на его энергичный профиль. Каждый разъ, какъ она односложнымъ восклицаніемъ выражала свое восхищеніе, его умные, пронзительные глаза освѣщались юной, прелестной улыбкой. Она подумала:

„Все въ немъ мнѣ нравится!“

Онъ поднимался, описывая широкую спираль надъ мѣстомъ подъема. Клеръ, наклонившись, могла различить стеклянныя крыши мастерскихъ Шателя, сверкающія на солнцѣ, и опушку Венсенскаго лѣса, раскинутого по землѣ, какъ гигантскій коверъ изъ мха. Они продолжали подниматься. Тишина на этой высотѣ становилась все глубже. Не слышно уже было ничего, кромѣ мягкаго шуршанія винта, да изрѣдка, время отъ времени, какого-нибудь слабого отголоска жизни — гудка автомобиля, ружейнаго выстрѣла, лая собаки... И осуществить такимъ образомъ древнѣйшую мечту человѣчества, убѣжать отъ законовъ природы и отъ шума земли, вознестись блестящей спиралью къ безконечной лазури, въ этомъ золотисто-прозрачномъ воздухѣ, среди этой торжественно-мирной тишины, чувствовать себя наединѣ съ обожаемымъ существомъ въ тотъ самый день, когда она могла впервые обѣщать ему себя! То было дѣйствительно неслыханное, небывалое обрученіе, — обрученіе въ шири небесъ, отъ котораго у Клеръ кружилась голова, захватывало дыханіе!

Въ ту минуту, когда они коснулись земли, толпа, преодолевшая всѣ преграды, нахлынувшая со всѣхъ сторонъ съ шумными привѣтствіями, окружила ихъ тѣнымъ кольцомъ протянутыхъ рукъ, разинутыхъ ртовъ, поднятыхъ головъ, наставленныхъ объективовъ... И вдругъ между всѣми этими лицами передъ Клеръ мелькнуло и отчетливо обрисовалось одно — лицо Виллерэ, ея перваго мужа...

Она содрогнулась. Худшія ея воспоминанія вставали передъ нею, какъ живыя. За этой гладко-причесанной, корректной бородой она угадывала акулью челюсть, огромную, злую, хищную. Она знала, какъ быстро тускнѣли ненавистью и выпыхивали жестокостью эти ласковые глаза, какъ скоро медовый голосъ становился рѣзкимъ, крикливымъ.

И сколько же она выстрадала, прежде чѣмъ удалось разоблачить его! Ей его представили, какъ дѣльнаго инженера, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ, администратора значительныхъ промышленныхъ обществъ. А она узнала мало-по-малу, но уже слишкомъ поздно, что въ его прошломъ много подозрительнаго: скитаніе отъ Капштадскихъ копей къ рудникамъ Кавказа, участіе въ сотнѣ сомнительныхъ предпріятій въ поискахъ за деньгами, необходимыми ему для удовлетворенія его порочныхъ страстей. Женившись, онъ продолжалъ скользить по той же наклонной плоскости до окончательнаго паденія: грязной исторіи съ золотымъ пескомъ, подмѣшаннымъ къ простому, съ цѣлью представить въ ложномъ свѣтѣ золотоносную производительность одного африканскаго руднаго мѣстонахожденія. Въ этотъ день Клеръ пришлось купить цѣною почти всего своего состоянія молчаніе обманутыхъ ея мужемъ жертвъ.

Безъ сомнѣнія, будь только Виллерэ слабымъ, несчастнымъ существомъ, безсильнымъ противъ искушенія, она продолжала бы оказывать ему помощь изъ состраданія. Но онъ былъ такъ же грубъ, какъ и подлъ, такъ же ревнивъ, какъ и развратенъ, такъ же жестокъ, какъ и лживъ, и притомъ безъ признака любви, для оправданія своихъ неистовствъ. Тотчасъ же послѣ скандала она разсталась съ нимъ, рѣшивъ сама зарабатывать себѣ пропитаніе. Она очень недурно рисовала и любила въ особенности рисовать птицъ. Ей очень удавались маленькія жанровыя картинки, которыя стали мало-по-малу находить себѣ покупателей. Но Виллерэ преслѣдовалъ ее. Чаще всего онъ являлся къ ней чуть ли не въ отрепьяхъ. Иногда же, напротивъ, бывалъ одѣтъ безукоризненно и богато. Онъ убѣждалъ ее вернуться къ совмѣстной жизни. Она не понимала, насколько было ревности, нищеты, темной потребности къ тиранству въ этихъ попыткахъ, но упорно отказывалась, освобождаясь отъ него какой-нибудь денежной подачкой.

Эта двусмысленная жизнь продолжалась уже съ годъ, когда Клеръ снова встрѣтилась съ Люсьеномъ Шатель. Въ юности они знали и любили другъ друга. Но о бракѣ между ними не могло быть и рѣчи. Развѣ соединяютъ брачными узами дѣтей-однолѣтокъ, когда еще къ тому же у молодого человѣка нѣтъ состоянія? Ему предпочли Виллерэ. Но эти ребяческія привязанности походятъ на буквы, вырѣзанныя на корѣ молодыхъ деревьевъ: проходящіе годы не только не стираютъ ихъ, а напротивъ—расширяютъ и углубляютъ ихъ слѣды. И когда, уже знаменитый и почти богатый, не достигнувъ еще тридцатилѣтняго возраста, Люсьенъ встрѣтилъ Клеръ, одинокую и страдающую, они замѣтили, что чувства ихъ не измѣнились. Жизнь ихъ начиналась снова тамъ, гдѣ они ее оставили...

Съ этихъ поръ Шатель непрерывно умолялъ свою подругу добиться полной свободы. Она уступила. Виллерэ былъ слишкомъ виноватъ передъ нею, чтобы осмѣлиться сопротивляться. И въ самомъ дѣлѣ, затаивъ свою ярость, онъ безъ возраженій допустилъ начаться разводу. Прошло уже два мѣсяца, какъ она его не видала. Чтѣ ему отъ нея нужно?

О, дивное ощущеніе небесной шири, лазурная минута забвенія продолжались не долго. Едва коснувшись земли, она уже встрѣчала заботу и тревогу. Виллерэ пристально слѣдилъ за нею. Едва только взгляды ихъ встрѣтились, какъ онъ сдѣлалъ ей быстрый призывной знакъ. Хорошо. Она согласна; тѣмъ болѣе, что опасалась столкновенія между двумя мужчинами, знавшими другъ друга въ лицо. Она допуститъ Виллерэ къ рѣшительному объясненію, но это будетъ уже послѣднее. Въ сущности, онъ для нея уже ничто. Встревоженная, взволнованная, она достигла опушки лѣса, вошла въ зеленый сводъ аллеи, гдѣ вскорѣ Виллерэ присоединился къ ней. Сейчасъ же она перешла въ наступленіе:

— Чтѣ вамъ нужно?

Онъ съиронизировалъ притворно любезнымъ тономъ.

— Я хотѣлъ васъ поздравить. Это прелестно, этотъ подъемъ вдвоемъ... Жизнь пчель... брачный полетъ!.. Вы выходите за него, само собой разумѣется?

— Да.

Виллерё остановился. Личина его исчезла. Съ искаженнымъ до отвращения отъ ненависти лицомъ онъ закричалъ, сжавъ кулаки:

— Ну, а я не хочу этого! Слышишь ли?—не хочу!

Она пожалала плечами, сильная той смѣлостью, которая истекаетъ изъ любви. Онъ пришелъ еще болѣе въ ярость:

— Да, да, я знаю, я не имѣю права препятствовать этому браку! Ты принудила меня развестись! Теперь это дѣло уже сдѣлано. И ты торжествуешь. Но я смѣюсь надъ закономъ, я...

Она прервала его насмѣшливымъ намекомъ на его подозрѣнія.

— О, да,—я знаю!

Но онъ не слушалъ ея.

— Признайся,—продолжалъ онъ:—что ты никогда не переставала видѣться съ этимъ человѣкомъ! Что вы допустили меня погрязнуть, погибнуть, чтобы удобнѣе отдѣлаться отъ меня!

Она невольно возмущилась:

— Клянусь вамъ, что во все время нашего брака я ни разу не видала Люсьена.

— Во всякомъ случаѣ вы добились своего, вы оба. Вы свободны, вы считаете себя свободными. Но я повторяю тебѣ, что не хочу, чтобы вы воспользовались этой свободой! Слушай... я хотѣлъ видѣть... этотъ полетъ. Я былъ въ толпѣ. Я слышалъ все, что говорили про него, про тебя, про васъ обоихъ. О, что я выстрадалъ!.. Такъ бы, кажется, и удавилъ тѣхъ, кто стоялъ подлѣ меня!.. А потому я не хочу, чтобы это продолжалось... Не хочу присутствовать всю жизнь при вашемъ апофеозѣ! Это невозможно! Я помѣшаю вамъ! Я васъ... Откажись, Клеръ! Повѣрь мнѣ, хорошо сдѣлаешь! Откажись!

Все въ немъ дышало жестокостью, такимъ предательствомъ, такимъ страданіемъ, что она испугалась. Что могъ онъ предпринять противъ нихъ? Убийство? Нѣтъ, онъ слишкомъ подлѣ. Тайную измѣну? Но Люсьень, предупрежденный, будетъ насторожѣнъ. Но если бы однако ему удалось осуществить свои угрозы? Что же тогда? Неужели, во избѣжаніе возможной опасности, отказаться отъ свѣтлаго будущаго? Нѣтъ, они слишкомъ страдали бы оба. Она покачала головой:

— Между нами нѣтъ больше ничего общаго! Я не послушаюсь васъ. Оставьте меня разъ навсегда!

Она уже повернулась, чтобы итти обратно къ мастерскимъ. Онъ схватилъ ее за плечо горячей, дрожащей рукой:

— Вы не будете принадлежать другому! Вы не выйдете за этого человѣка!

Она твердо возразила:

— Съ сегодняшняго дня мы обручены. Я выйду за него.

Тогда, позеленѣвъ отъ злости, онъ проскрежеталъ:

— Хорошо же. Я хотѣлъ предупредить васъ. Я хотѣлъ избѣжать несчастья. Теперь пеняйте на себя, если что случится!

Повсюду были расклеены объявленія, что въ слѣдующее воскресенье Люсьень Шатель перелетитъ черезъ Парижъ на большой высотѣ отъ Венсенскаго лѣса до Булонскаго. Онъ предполагалъ взвиться прямо вверхъ и начертать невидимую радуго надъ городомъ.

Люсьень и не подозрѣвалъ, когда задумывалъ этотъ опытъ, что подписываетъ свой смертный приговоръ.

Потому что Виллерё рѣшился. Этотъ полетъ надъ Парижемъ казался ему предначертаніемъ судьбы. Въ этотъ день Люсьень Шатель долженъ погибнуть. Въ этомъ мозгу, отуманенномъ пороками и источенномъ ненавистью, мысль объ убійствѣ мало-по-малу зародилась, сформировалась и окрѣпла. Теперь она поглощала его всего... И осудивъ своего противника на смерть, Виллерё приготовлялъ исполненіе приговора съ звѣрской заботливостью. Ему нужно было накануне подъема проработать украдкой около часа надъ аппаратомъ, который подниметъ героя. И вся его изобрѣтательность, вся хитрость сосредоточились на этой цѣли.

Кто наблюдалъ по вечерамъ надъ рядомъ мастерскихъ, гдѣ отдыхали большія бѣлыя птицы? Виллерё не замедлилъ узнать имя сторожа, который пользовался полнымъ довѣріемъ Шателя. Кто ухитрился одинъ вывести аэропланъ на мѣсто подъема,—подвигъ, достойный Геркулеса?—Лануа. Кто приносилъ бѣгомъ ведро съ эссенціей, лейку съ водой, необходимые инструменты?—опять Лануа. Кто отличался особеннымъ умѣньемъ отгѣнять любопытныхъ безъ долгихъ разговоровъ за барьеръ?—все тотъ же Лануа. Каждую минуту слышался твердый голосъ Люсьена Шателя: Лануа, Лануа!

То былъ вѣрный сторожевой песъ. Но какой песъ! Колоссъ, высокій, дюжій, массивный, въ плотно обтягивавшей туловище полосатой, бѣлой съ голубымъ, фуфайкѣ, въ широкихъ, бархатныхъ штанахъ, съ вѣчно выставленными впередъ, словно всегда готовыми на борьбу, подбородкомъ, колѣнами, кулаками. И при томъ свѣтлые глаза, добрыя толстыя губы, въ которыхъ постоянно дымила надъ растрепанными усами самодѣльная папироса.

Хозяинъ сосѣдняго кабачка снабдилъ Виллерё и дополнительными свѣдѣніями. Лануа былъ изъ отставныхъ солдатъ, изъ „опустошителей“ съ Марны. Въ тѣ времена, выпивши, онъ бывалъ ужасенъ. По случаю какой-то драки—быть-можетъ, ради лишняго выпитаго стакана—онъ ухитрился попасть на годъ лишняго выпитаго стакана—онъ ухитрился попасть на годъ лишняго выпитаго стакана—онъ ухитрился попасть на годъ лишняго выпитаго стакана. При выходѣ его оттуда, Шателю пришла странная

мысль привязать его къ себѣ. Онъ приручилъ его, сдѣлалъ кроткимъ, какъ дѣвушку. Теперь Лануа совсѣмъ не пилъ. Конечно, никто не могъ поручиться, на сколько времени продлится это воздержаніе... Въ общемъ, кабатчикъ относился скептически и довольно презрительно къ этому человѣку, отказывавшемуся отъ привычной рюмки. Но Шатель вѣрилъ въ него. И доказательство, что онъ поручилъ Лануа караулить ангара. Бывшій „опустошитель“ построилъ себѣ въ углу ангара маленькую клѣтушку, гдѣ ѣлъ и спалъ постоянно съ большимъ заряженнымъ револьверомъ подъ рукой. О, можно заранѣе сказать, что не поздоровится тому, кто на него наткнется, потому что Лануа ничего не стѣбитъ по малѣйшему поводу выпустить мѣткую пулю.

Въ пятницу, предшествовавшую полету надъ Парижемъ, Виллерё дождался той минуты, когда, послѣ уборки аппаратовъ и ухода Шателя, толпа также начала расходиться, и, подойдя къ Лануа, затворявшему ворота, заговорилъ съ нимъ:

— Тяжелый день, пріятель. Вѣрно, не прочь будете отдохнуть? Но вы не откажетесь выпить сначала стаканчикъ чего-нибудь горяченькаго для разбивки крови вотъ тутъ поблизости,—какъ скажете?

И онъ указалъ на ближній кабачокъ. Взволнованный Лануа выплюнулъ свою папиросу, проглотилъ слюну. Но если и зашевелилось въ немъ желаніе, онъ сейчасъ же подавилъ его. Качнувшись отрицательно головой, онъ отказался наотрѣзъ.

Виллерё побоялся возбудить подозрѣніе излишней настойчивостью. Онъ перемѣнилъ разговоръ, ища новаго пункта атаки:

— Сегодня уже слишкомъ поздно, чтобы посмотреть мастерскія, не правда ли?

Лануа какъ бы разсѣкъ воздухъ своей огромной рукой отрицательнымъ жестомъ:

— Заперто.

„Не разговорчивъ, разбойникъ!“

Виллерё выразилъ сожалѣніе:

— Досадно. Я, другъ, обожатель г-на Шателя.

Однако сторожъ остался непреклоненъ. Однимъ взмахомъ ладони онъ свернулъ себѣ другую папиросу:

— Спросите у него.

И Лануа захлопнулъ калитку. Виллерё пожалъ плечами. Очевидно, ему не удастся побѣдить это животное въ открытомъ нападеніи. Нужно прибѣгнуть къ хитрости, и поскорѣе, такъ какъ времени оставалось уже немного. И на слѣдующій день, въ субботу, накануне опыта, между тѣмъ какъ всѣ взоры были устремлены на Люсьена Шателя, упражнявшагося на большой высотѣ, Виллерё, набравшись смѣлости, рѣшительно вошелъ во дворъ и затѣмъ въ пустой ангаръ. Тамъ онъ остановился на минуту. Вдоль одной изъ стѣнъ стояли рядами громадные ящики, неплотно сбитые изъ досокъ, на половину прикрытые парусиновыми чехлами, служившіе къ упаковкѣ аэроплановъ при пересылкѣ. Виллерё поспѣшилъ спрятаться въ одинъ изъ нихъ. Часъ спустя, по окончаніи упражненій, Лануа заперъ ворота. Онъ оставлялъ врага въ самомъ сердцѣ цитадели.

Въ промежутки между досками Виллерё прослѣдилъ возвращеніе большихъ бѣлыхъ птицъ. Въ особенности же тщательно отмѣтилъ онъ аппаратъ Шателя. Никакая ошибка невозможна. Приведя свой аппаратъ на мѣсто, молодой изобрѣтатель осмотрѣлъ его еще разъ самъ въ малѣйшихъ подробностяхъ. Несомнѣнно, это тотъ самый, на которомъ онъ думаетъ полетѣть на слѣдующій день.

Теперь Виллерё оставался совсѣмъ одинъ въ громадномъ сараѣ. Безъ сомнѣнія, Лануа отправился ужинать въ сосѣдній трактиръ. Нужно было воспользоваться его отсутствіемъ. Виллерё не замедлилъ отыскать въ углу, противоположномъ тому, гдѣ онъ спрятался, клѣтушку сторожа. Онъ подбѣжалъ къ ней, окинулъ ее бѣлымъ взглядомъ: узенькая постель, застланная коричневымъ одѣяломъ, на простой сосновой койкѣ, небольшой столикъ, на которомъ валялся старый номеръ какого-то журнала, свѣча въ подвѣсчикѣ, громадный заряженный револьверъ.

Онъ быстро вытащилъ изъ кармана бутылку съ оклееннымъ серебряной бумагой и украшеннымъ Женевскимъ крестомъ горлышкомъ, поставилъ ее на самомъ видномъ мѣстѣ на полку и возвратился въ свое убѣжище какъ разъ въ-время. Двѣ минуты спустя, Лануа входилъ обратно въ ангаръ.

Нѣсколько часовъ подъ рядъ среди ночной темноты Виллерё дождался. Онъ насыщался своей ненавистью, пережевывалъ свой планъ. О, онъ хорошо обдумалъ его, отбросилъ не мало предположеній. Очевидно, онъ могъ бы подпилить винтъ или какую-нибудь изъ частей мотора. Но всемъ было извѣстно, что аппаратъ Шателя, лишенный своей двигательной силы, не падаетъ стремительно, но опускался постепенно, мягко скользя по воздушнымъ слоямъ. Нѣтъ, нужно было, чтобы матерія крыльевъ, натянутое полотно, которое одно поддерживало машину въ воздухѣ, исчезла, разрушилась вдругъ... И тогда останется только тяжелый остовъ въ пятьсотъ килограммовъ металла, который обрушится камнемъ, разобьется объ землю...

Чортъ побери! Не нужно быть колдуномъ, чтобы додуматься до этого. Слѣдовало только сообразить. Онъ сейчасъ намажетъ полотно особеннымъ фосфорическимъ составомъ своего изобрѣтенія. Составъ этотъ будетъ совершенно незамѣтенъ, ничто его не выдастъ. Но когда воздухъ ударитъ въ крылья со скоростью ста километровъ въ часъ, онъ вдругъ испарится, и подъ этимъ

сильнѣйшимъ толчкомъ фосфоръ воспламенится. При головокружительной быстротѣ нарезиненная, лакированная матерія вспыхнетъ мгновенно, какъ фейерверкъ.

Но, чтобы обдѣлать, какъ слѣдуетъ, свое дѣло, Виллерè нужно было дожидаться, чтобы Лануа заснулъ мертвецки пьянымъ сномъ. Осушить ли онъ эту бутылку полынной, поставленную прямо передъ его глазами для искушенія? Послѣ своего долгаго воздержанія накинется ли онъ на вкусную отраву?

Внезапно дверь отворилась, и гигантъ показался, съ лицомъ, освѣщеннымъ снизу свѣчей, которую онъ несъ въ рукѣ. Въ другой рукѣ онъ держалъ револьверъ. Еще на порогѣ онъ тяжело споткнулся, потомъ вышелъ, пошатываясь. Онъ былъ пьянъ.

Но, безъ сомнѣнія, какой-то инстинктъ еще уцѣлѣлъ у гиганта. По обыкновенію, Лануа совершилъ свой обходъ. Ужасное зрѣлище... Колоссъ подвигался впередъ посреди большихъ бѣлыхъ птицъ заплетающимися шагами, съ револьверомъ въ одной рукѣ, со свѣчей—въ другой; его кидало изъ стороны въ сторону словно отъ морской качки. Его колеблющаяся тѣнь то отчетливо рисовалась на натянутомъ полотнѣ, то разбѣгалась, огромная, безформенная, по стѣнамъ и потолку. Онъ стучался лбомъ о ванты, путался въ пропеллерахъ. На лицѣ его выражалось какое-то тупое бѣшенство. Порой онъ раздражался невѣроятными ругательствами, словно осыпая ими воображаемаго врага, затѣмъ вдругъ затыгивалъ гнусную пѣсню. Потомъ молчаніе...

Была минута, когда онъ едва не задѣлъ Виллерè, притаившагося за ящиками. Но тутъ же и прошелъ, бормоча что-то невязное, спотыкаясь, задѣвая за то, за другое, но все не выпуская ни оружія ни свѣчи. Какимъ-то чудомъ онъ ничего не поджегъ. Но имъ руководилъ инстинктъ. И, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, передъ нимъ изъ мрака выдвигались большія бѣлыя крылья, пробуждалось цѣлое фантастическое стадо, и его подвижныя тѣни сливались на стѣнахъ съ тѣнью Лануа... Потомъ раздалось послѣднее ругательство; свѣтъ погасъ. Животное зарывалось въ свою нору, чтобы заснуть. И пять минутъ спустя въ полнѣйшей тишинѣ Виллерè услышалъ глубокое, ровное дыханіе, несомнѣнно, дыханіе спящаго. Тогда, подавивъ въ себѣ свой ужасъ, но съ бьющимся до одуренія въ груди сердцемъ, протянувъ впередъ руки, заглушая шумъ шаговъ, Виллерè направился съ безконечными предосторожностями къ аэроплану Шателя. И когда наконецъ узналъ его, оцупалъ, то приступилъ бережно, заботливо къ своей смертоносной работѣ.

Несмѣтная толпа наводняетъ огромный аэродромъ. И по всему городу тысячи взоровъ будутъ слѣдить за аэропланомъ, поддерживать его въ его полетѣ. Погода великолѣпная. Небо, трепещущее и бархатистое, кажется большой лазурной тканью, навѣшенной на золотой гвоздь-солнце и растянутой надъ торжествомъ.

Клеръ слѣдить издали за всѣми движеніями своего жениха. Она боится. Угрозы Виллерè неотступно преслѣдуютъ ее. Если бѣ она посмѣла, то подошла бы къ Люсьену, стала бы умолять его: — Не летите! — Но она не смѣетъ. А кремъ того, Парижъ ждетъ.

Надвинувъ фетровую шляпу на глаза, Шатель прижимаетъ протянутыя къ нему руки, останавливается съ журналистомъ, затѣмъ съ пріятелемъ, оглядываетъ небо, потомъ возвращается къ своему аппарату, осматриваетъ еще разъ винтъ, пропеллеръ. Онъ вынимаетъ часы. Время наступило. Люсьень направляется къ Клеръ. Передъ толпой, изъ уваженія ко всѣмъ этимъ постороннимъ людямъ, они довольствуются пожатіемъ руки. Но какъ опредѣлить, сколько утѣшенія, надежды, любви можетъ заключаться во взаимномъ прикосновеніи двухъ крѣпко сомкнувшихся рукъ?.. Шатель уже дѣлаетъ знакъ, чтобы всѣ отошли. Моторъ движется, винтъ начинаетъ вертѣться. И между тѣмъ, какъ пилотъ привычнымъ жестомъ глубже надвигаетъ шляпу на лобъ, птица уже бѣжитъ, стелется по землѣ, взлетаетъ и сразу влетаетъ вверхъ.

Толпа, инстинктивно бросается за нимъ. Но Клеръ не въ состоянн двинуться съ мѣста. И вотъ она осталась одна. Вся жизнь ея тамъ, наверху. Она чувствуетъ въ себѣ громадную болѣзненную пустоту. Она тяжело дышитъ. Какъ быстро онъ поднимается.

Подводное плаваніе.

Очеркъ и 10 иллюстрацій А. Д. Далматова.

За послѣднее время въ обществѣ усиленно идутъ разговоры о возрожденіи русскаго флота. Газеты полны дебатовъ по вопросу, какой же нуженъ флотъ для Россіи. Придуманъ даже новый терминъ: наступательный флотъ и оборонительный, при чемъ подъ первымъ обыкновенно подразумѣвается флотъ, состоящій изъ крупныхъ линейныхъ кораблей—дредноутовъ, а подъ вторымъ—легкія суда, миноносцы и подводныя лодки.

Сторонники того или другого вида флота горячо спорятъ, доказывая выгоды одного передъ другимъ. Не вдаваясь въ разборъ этихъ вопросовъ, мы постараемся познакомить читателя съ современнымъ состояніемъ подводнаго плаванія вообще и въ частности русскаго.

Детали достигнутыхъ успѣховъ въ дѣлѣ подводнаго плаванія

Ему нужно четверть часа на то, чтобы описать свой полукругъ надъ Парижемъ. Какъ это безконечно долго, четверть часа!..

Вдругъ позади нея раздается насмѣшливое хихиканье. Она оглядывается. Виллерè. Опять онъ!.. И такая злобная радость искажаетъ его черты, что сейчасъ же предчувствія Клеръ усливаются, овладѣваютъ ею вполне. Она увѣрена въ наступающемъ несчастьѣ. Какое предательство онъ подготовилъ? Какую западню устроилъ? Все ея существо сосредоточивается на этомъ вопросѣ.

Виллерè, конечно, таиться не будетъ. Онъ хочетъ насладиться вполне. А самое лучшее въ его мщеніи—не внезапная смерть Шателя. Нѣтъ, это—мученіе Клеры, которая сейчасъ все узнаетъ, будетъ ждать, будетъ переживать минуты такого ужаса, съ которыми ничто сравниться не можетъ.

Въ десяти словахъ онъ открываетъ ей свою тайну. И въ самомъ дѣлѣ это мѣла, не имѣющая себѣ равной. Тотъ, кто не любилъ, не въ состоянн понять ее. И такъ, можетъ-быть, черезъ секунду, можетъ-быть, черезъ пять безконечныхъ минутъ эта маленькая, бѣленькая полоска тамъ, наверху, которая уноситъ на себѣ ея жизнь, вспыхнетъ, камнемъ рухнетъ съ высоты, разобьется вдребезги... Люсьень! Люсьень!

И она не можетъ ничего сдѣлать, ничего! Больше всего сводить ее съ ума ея полная безпомощность. Не можетъ ничего... Она хотѣла бы закричать, хотѣла бы, чтобы голосъ ея достигъ этой маленькой, блестящей на солнцѣ точки: „Спускайся, спускайся скорѣе!..“ И не можетъ ничего!

О, Виллерè хорошо выбралъ минуту для своего сообщенія. Достаточно въ-время, чтобы терзаться ожиданіемъ неизбежнаго. Слишкомъ поздно, чтобы помѣшать ему.

Клеръ бормочетъ жалкія, безсвязныя слова. Ей кажется, что она уменьшается, становится опять совсѣмъ маленькой дѣвочкой. Ей хочется плакать, упасть на колѣни, не видѣть больше ничего, умереть. У нея темнѣетъ въ глазахъ, искры сыплются передъ ними. Чтò это, воспламеняется маленькая бѣлая точка? Да?.. Нѣтъ еще. И оставаться здѣсь, оставаться здѣсь!..

Вдругъ она слышитъ за собой громкій крикъ многихъ голосовъ. О, на этотъ разъ это конецъ! Но у Виллерè вырывается яростное проклятіе. Она поворачиваетъ голову. Не сонъ ли это? Или обманъ зрѣнія?.. Передъ мастерскими какой-то человѣкъ исполнитъ одинъ тащить за собой горящій аэропланъ, бѣжитъ съ нимъ на мѣсто подъема. Его стремительный бѣгъ раздуваетъ пожаръ, и пламя за его спиной вздымается гигантскими крыльями.

Она останавливается. Клеръ не смѣетъ еще надѣяться. Но Виллерè уже овладѣлъ собой. Ошибся ли онъ аппаратомъ въ своемъ страхѣ и посреди ночной темноты? Или же Шатель, подозрѣвая что-то, рѣшилъ замѣнить его другимъ въ послѣднюю минуту? Не все ли теперь равно! Придется все начинать сызнова.

Спасень! Люсьень спасень! И между тѣмъ какъ тамъ, вдали, маленькая бѣлая точка уже склоняется къ западу въ своемъ торжественномъ полетѣ, Клеръ едва не лишается чувствъ отъ всего пережитаго въ эти нѣсколько минутъ, отъ рѣзкаго перехода отъ смертной агоніи къ воскресенію.

Между тѣмъ гигантъ бросаетъ догорающій аэропланъ. Онъ пробрался сквозь тѣсный кругъ любопытныхъ, онъ приближается. Волосы его и усы обгорѣли. Его почернѣвшее лицо вспухло отъ ярости. Можно подумать, что онъ кого-то ищетъ.

Онъ узналъ Виллерè... И цѣлая куча словъ переплетается на его языкѣ, еще пересохшемъ отъ пьянства, срывается съ его обожженныхъ губъ... Это онъ, это тотъ человѣкъ, который хотѣлъ подкупить его. Это онъ поставилъ бутылку полынной около его постели. Онъ такъ и думалъ, онъ догадывался. Но не брось онъ, едва проснувшись, еще съ пьяна, зажженный окурокъ папиросы на полотно одного изъ аэроплановъ—онъ такъ никогда ничего бы и не узналъ. Но теперь ему все понятно. Этотъ разбойникъ хотѣлъ убить г. Шателя, сжечь его во время его полета! Негодяй!.. Убить г. Шателя, его божество! Но онъ попался, мошенникъ!.. И больше ужъ не попробуетъ!..

И прежде чѣмъ кто-либо могъ помѣшать ему, Лануа, не помня себя отъ бѣшенства, отъ водки, отъ негодованія, выхватываетъ револьверъ изъ кармана своихъ широкихъ штановъ и шестью выстрѣлами въ упоръ убиваетъ Виллерè, какъ вредное животное.

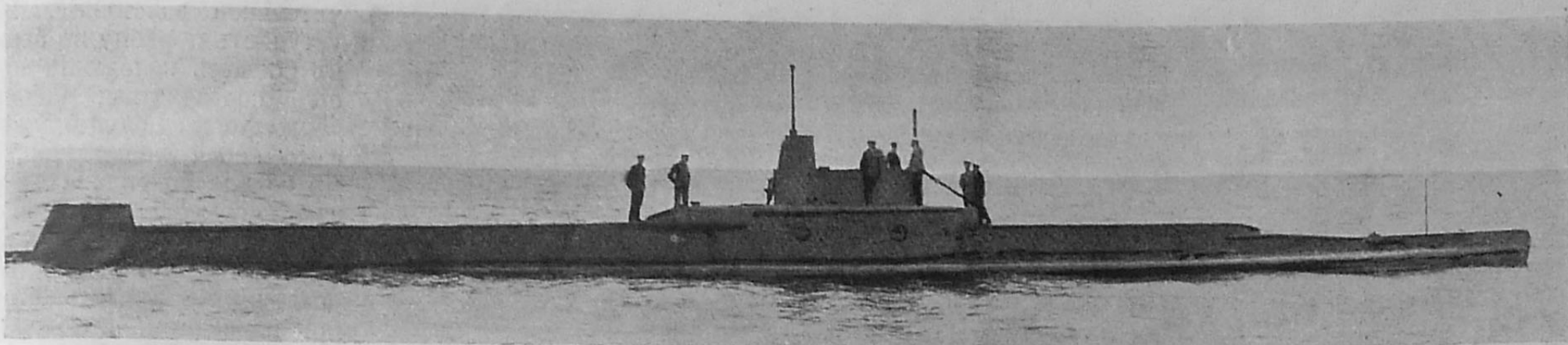
Хотя подводныя лодки большинствомъ считаются изобрѣте-

ніемъ нашего вѣка, но на самомъ дѣлѣ подводное плаваніе официально началось съ 1620 года.

Первая лодка, о которой упоминается въ исторіи подводнаго плаванія, это — лодка, построенная въ Англіи нѣкимъ Ванъ-Дребелемъ. Его лодка вмѣщала 20 человекъ команды, изъ которыхъ двѣнадцать несли обязанности гребцовъ. На лодкѣ Ванъ-Дребеля король Яковъ I сдѣлалъ небольшое подводное путешествіе по Темзѣ.

Вѣроятно, что и задолго до Ванъ-Дребеля были болѣе или менѣе удачныя опыты въ этомъ направленіи, но тогдашніе нравы и дикость не щадили тѣхъ изобрѣтателей, которые шли дальше кругозора своихъ современниковъ.

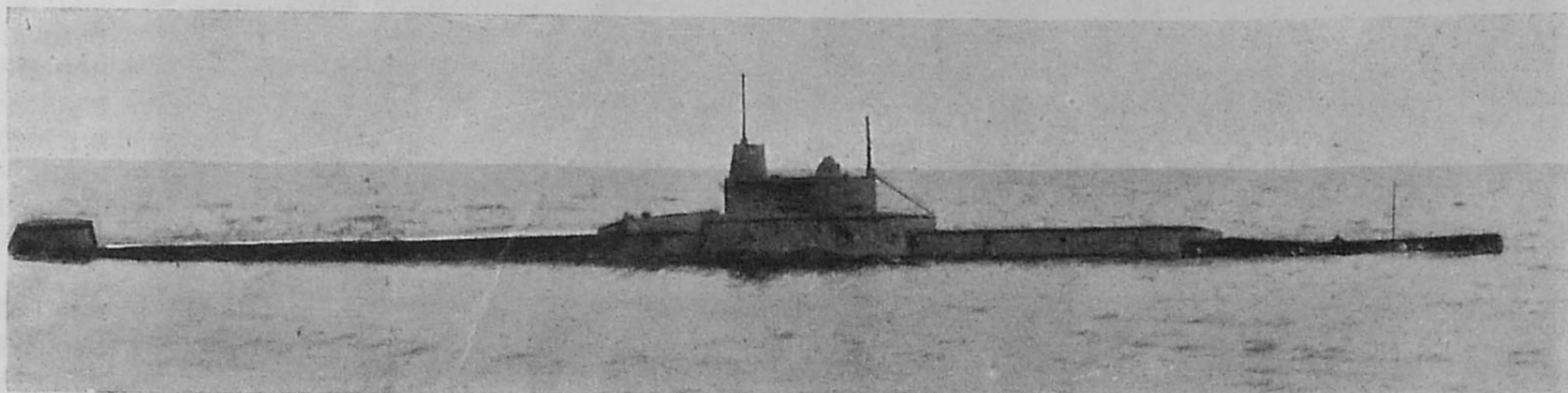
Въ 1797 году Фультонъ изобрѣлъ подводную лодку „Наутилусъ“ съ миной для взрыва неприяТЕЛЬСКИХЪ кораблей. Правительство и военный флотъ Франціи категорически отказались отъ этого изобрѣтенія, находя, что военный флотъ не можетъ пользоваться для уничтоженія противника такимъ неблагороднымъ предательскимъ средствомъ. Такая же неудача постигла Фультона и въ Англіи, несмотря на весьма удачный опытъ

Первый моментъ. Начало погруженія подводной лодки, боевое погруженіе.

Болѣе совершенные типы подводныхъ лодокъ выработаны американцами Голландомъ и Леккомъ.

Первый изъ нихъ стремился извлечь изъ подводнаго плаванія

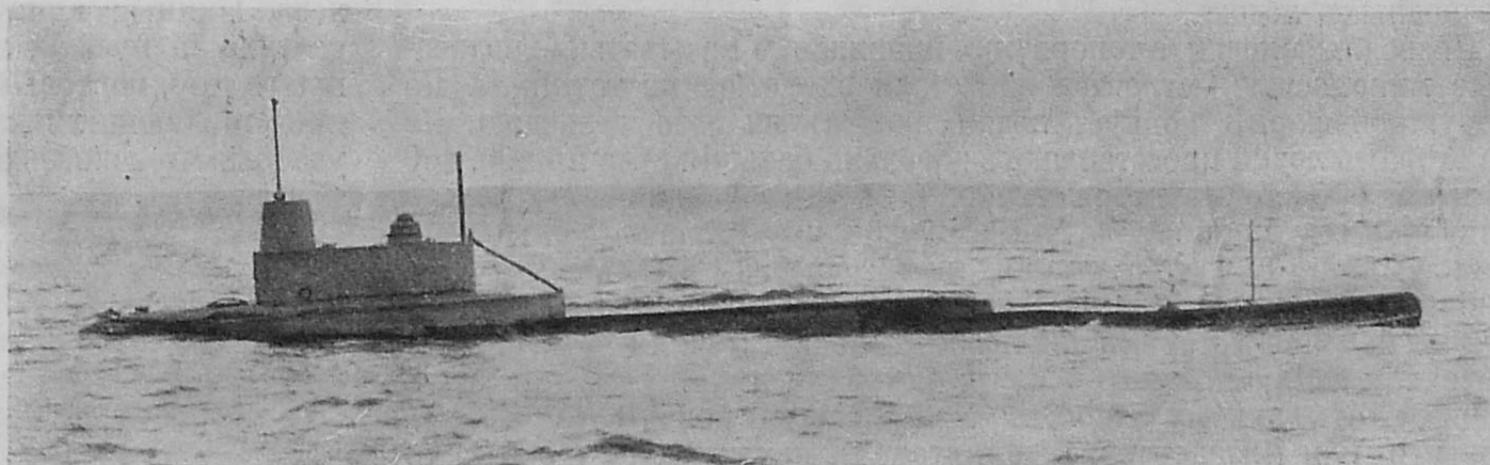

Второй моментъ. Боевое положеніе передъ погруженіемъ въ подводное. Всѣ люки закрыты, и команда находится вся внутри.

чисто военную пользу, а второй — коммерческую, задавшись цѣлью построить такую лодку, изъ которой могли бы вылѣзть поды водолазы для разыскиванія и подъема цѣнностей, попавшихъ на дно морское при аваріи кораблей.

Подводная лодка „Акула“. Видъ съ носа.

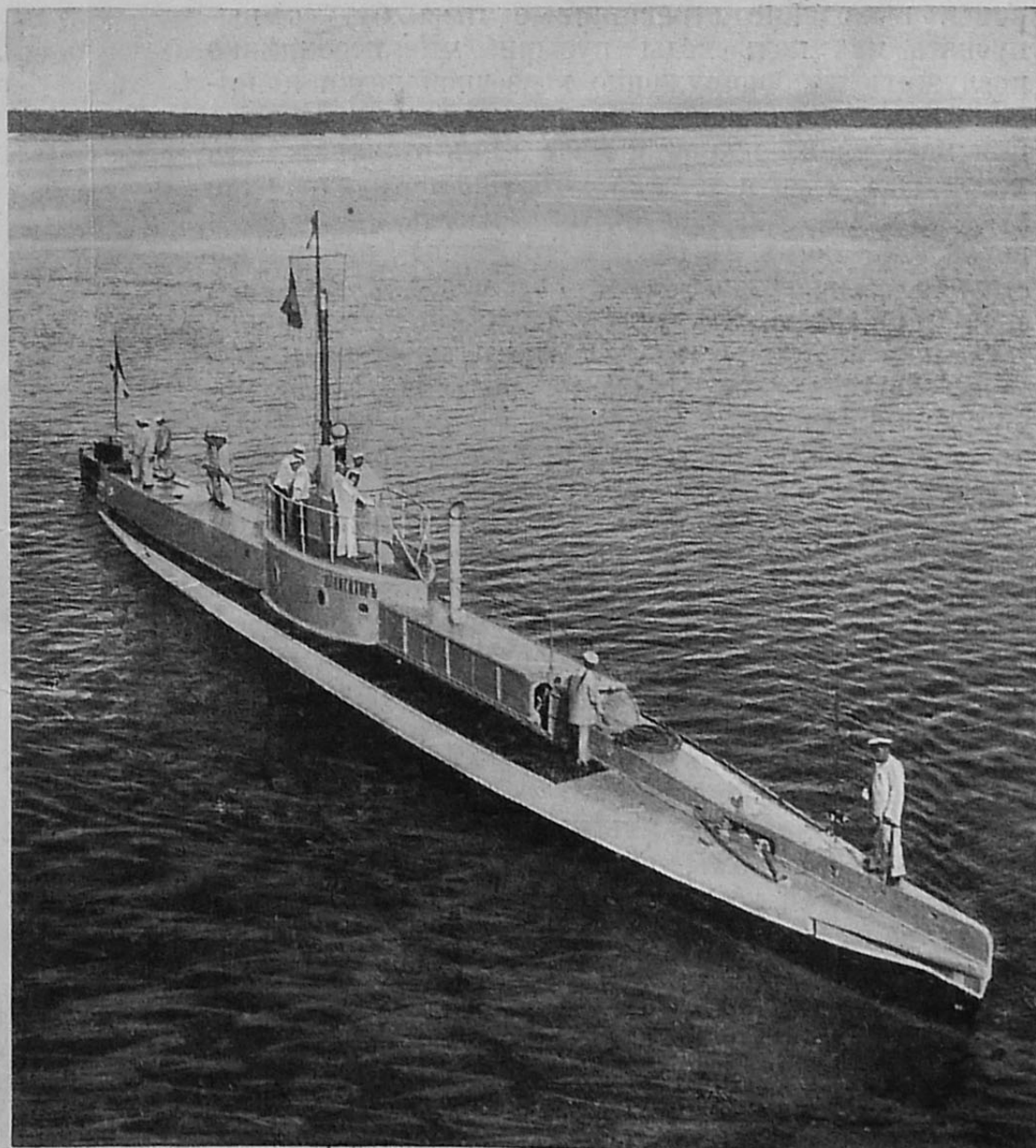

Третій моментъ. Дальнѣйшее погруженіе подводной лодки.

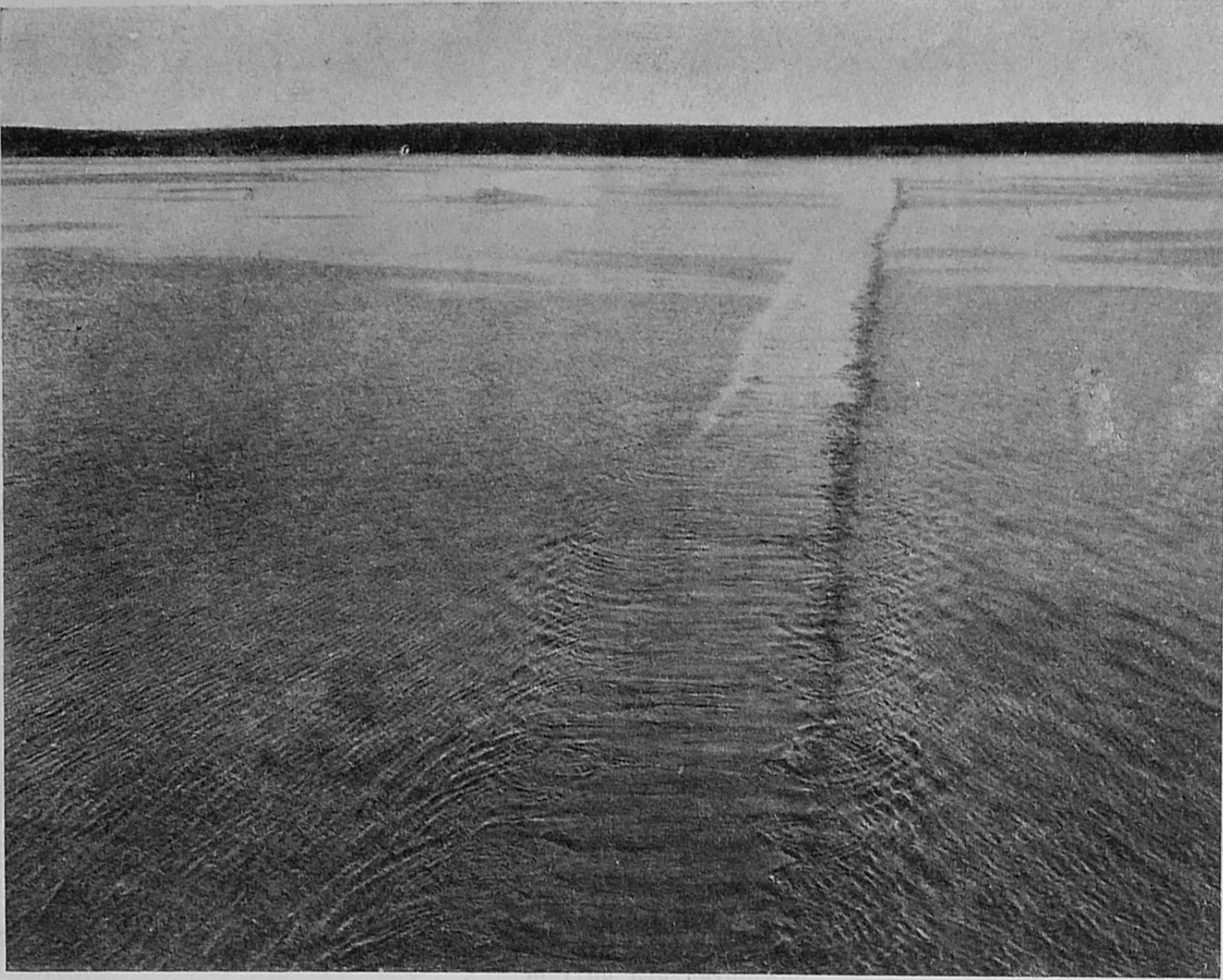
взрыва съ бригомъ „Доротея“. Знаменитый англійскій адмиралъ Джервисъ заявилъ, что „подводныя лодки — это оружіе слабыхъ на водѣ государствъ“. Въ заключеніе Фультонъ вернулся въ Америку съ репутаціей авантюриста и бросилъ дальнѣйшее совершенствованіе своихъ подводныхъ лодокъ.

Для насъ, русскихъ, интересенъ опытъ постройки въ 1855 году нѣмцемъ Бауеромъ подводной лодки на заводѣ Лейхтенберга въ Петербургѣ. Бауеръ пользовался особымъ покровительствомъ великаго князя Константина Николаевича. Построенная имъ подводная лодка во время коронаціи въ 1856 году весьма удачно погружалась поды воду съ хоромъ музыкантовъ. Но 26 октября 1856 года, во время одного изъ опытовъ, лодка Бауера погибла, и онъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ погибъ на построенной имъ для германскаго правительства подводной лодкѣ.

Мало кому извѣстно, что еще въ 1883 г. Россія обладала 50 подводными лодками Джевецкаго. Лодки эти впоследствии были передѣланы на входные баканы, стоящіе и поднесъ во многихъ русскихъ портахъ. Самъ Джевецкій живъ и понынѣ, при чемъ является весьма крупнымъ изобрѣтателемъ многихъ очень важныхъ техническихъ приборовъ въ военно-морскомъ дѣлѣ.

Подводная лодка системы Лекка — „Алигаторъ“ (450 тоннъ). Того же типа подводныя лодки „Кайманъ“, „Крокодилъ“ и „Драконъ“.

Выстрѣлъ съ подводной лодки миной Уайтхеда.
Мина движется на зрителя, а лодка находится вдали подъ водой.

Не вдаваясь въ детали той или другой системы, мы въ общихъ чертахъ познакомимъ читателя съ устройствомъ современныхъ подводныхъ лодокъ.

Подводныя лодки, а теперь ихъ правильнѣе называть:— „подводные миноносцы“— строятся изъ стали около дюйма толщины. По наружной формѣ корпусъ лодки похожъ на тѣло дельфина. По размѣрамъ лодки представляютъ довольно большія суда въ 200, 400 и даже 600 тоннъ водоизмѣщенія *). Такъ, одна изъ нашихъ лучшихъ лодокъ имѣетъ длину 185 футовъ, высоту 17 фут., а ширину всего только 12 фут.

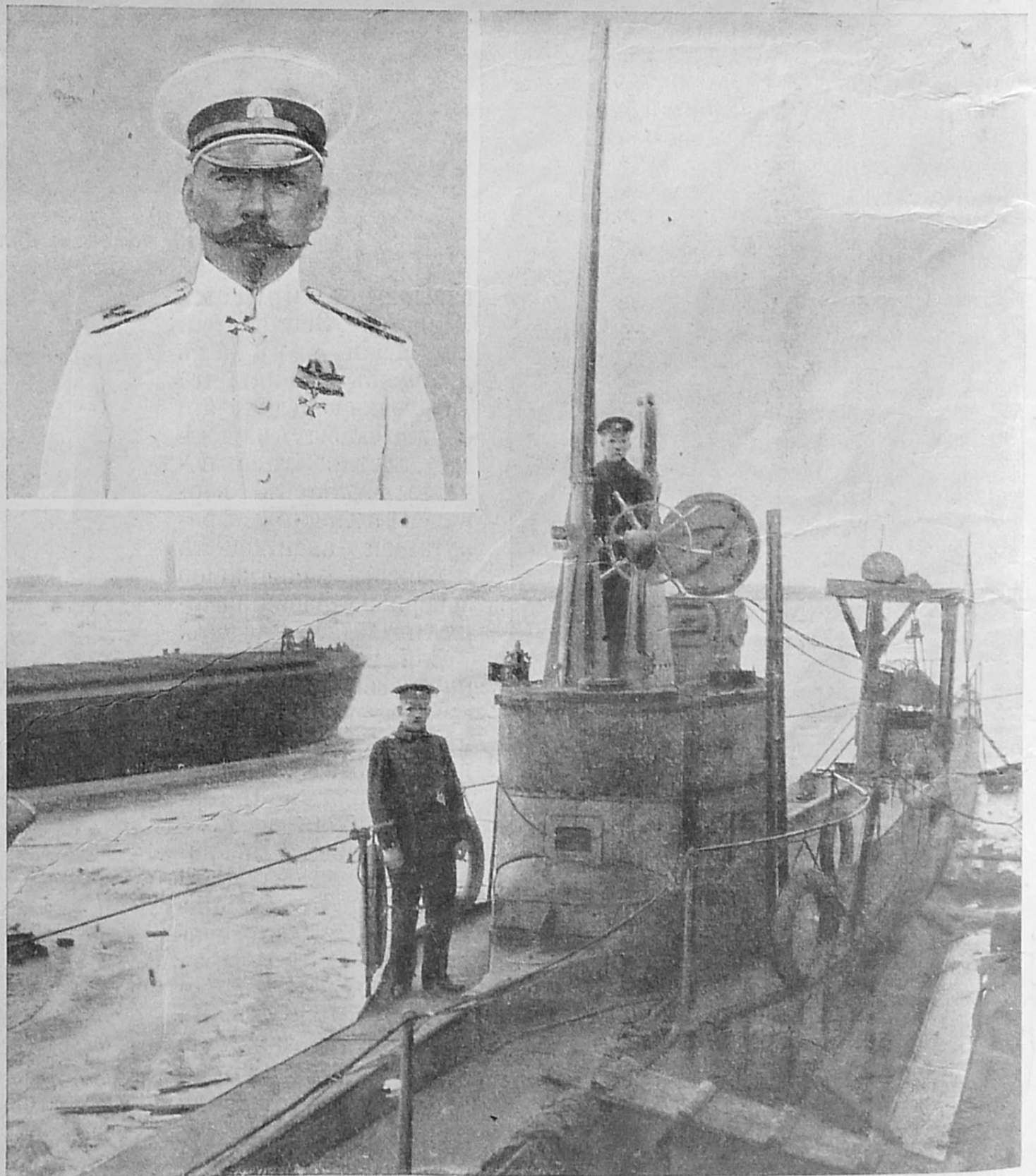
Для надводнаго плаванія подводныя лодки пользуются бензино-моторами или нефтяными двигателями Дизеля, а для подводнаго— электро-моторами, дѣйствующими отъ аккумуляторовъ. Пользоваться бензиновымъ или Дизелевскимъ двигателемъ подъ водой нельзя, такъ какъ для ихъ работы нуженъ воздухъ, который такъ дорогъ подъ водой, а съ другой стороны, выходящіе отработанные газы будутъ выпускать изъ подъ воды пузыри, что несомнѣнно послужитъ къ обнаруженію подводной лодки непріателемъ. Какъ видно изъ иллюстрацій, подводная лодка при надводномъ плаваніи мало чѣмъ отличается отъ моторныхъ яхтъ и т. п. судовъ. Для погруженія же подъ воду подводныя лодки, такъ сказать, напиваются водой, при чемъ въ особыя цистерны набирается столько воды, чтобы лодка не совсѣмъ потеряла свою пловучесть. Въ этомъ случаѣ лодка имѣетъ такъ называемую *положительную* пловучесть, которая облегчаетъ ей движеніе подъ водой съ помощью *горизонтальныхъ рулей*, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ остановки двигателей такая лодка всплываетъ, а не идетъ на дно. Само собой разумѣется, что передъ погруженіемъ всѣ входы и отверстія плотно закрываются. Въ тѣхъ случаяхъ, когда лодкѣ необходимо опуститься совершенно на дно, въ цистерны набирается больше воды, которая для подъема снова выкачивается до предѣловъ положительной пловучести, а если надо—и совсѣмъ для надводнаго плаванія. Для стоянія на мѣстѣ подъ водой на желаемой глубинѣ нѣкоторыя лодки имѣютъ якорныя приспособленія.

Подводныя лодки могутъ плавать въ троякомъ положеніи: надводномъ, боевомъ и подводномъ. Въ первомъ случаѣ лодка плыветъ, какъ обыкновенное судно; во-второмъ—она опускается настолько, что только части верхней палубы видны изъ-подъ воды, и достаточно 2-3 минутъ, чтобы изъ боевого положенія лодка перешла въ третье—подводное. Первое положеніе для лодки самое легкое, такъ какъ она движется съ помощью сильнаго бензино-мотора и, стало-быть, можетъ пройти довольно быстро зна-

чительное разстояніе. Второе положеніе уступаетъ первому въ быстротѣ, такъ какъ въ боевомъ положеніи лодки хотя и могутъ еще пользоваться бензино-моторомъ, но движеніе въ полупогруженномъ состояніи, само собой разумѣется, болѣе медленно. Подводное положеніе въ смыслѣ движенія самое невыгодное, такъ какъ электро-моторъ отъ аккумуляторовъ не даетъ большой силы, а главное—скоро расходуетъ энергію послѣднихъ, зарядить которые можно только при надводномъ положеніи.

Погрузившись подъ воду, лодка можетъ двигаться по перископу или компасу. Перископъ, это—приборъ, состоящій изъ довольно длинной (какъ маленькая мачта) оптической трубы съ системой призмъ и зеркалъ. Стволъ перископа стоитъ вертикально, возвышаясь надъ командирской рубкой. Въ верхнемъ концѣ имѣется отверстіе, черезъ которое съ помощью зеркальных призмъ передается изображеніе впереди лежащей мѣстности въ нижній конецъ, находящійся въ самой рубкѣ командира. Такимъ образомъ лодка, опустившись подъ воду и только выставивъ на футъ надъ поверхностью воды свой перископъ, можетъ двигаться, какъ бы въ зрячую. Въ тѣхъ случаяхъ, когда и перископъ можетъ выдать мѣстонахожденіе лодки, послѣдняя его опускаетъ или беретъ болѣе глубокую, ориентируясь по картѣ и компасу, и только изрѣдка высовываетъ изъ-подъ воды кончикъ перископа для опредѣленія своего движенія.

Вся сила подводныхъ лодокъ заключается въ ихъ минномъ вооруженіи. Онѣ снабжаются нѣсколькими минными аппаратами для стрѣльбы самодвижущимися минами Уайтхеда. Минные аппараты располагаются въ носовой и кормовой частяхъ, а русскія лодки послѣдняго образца вооружены еще, кромѣ того, бортовыми минными аппаратами системы Джебевцаго, представляющими изъ себя весьма простыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ удобныя приспособленія для стрѣльбы съ бортовъ.

Адмиралъ Левицкій, командиръ подводной флотилии Балтійскаго моря.

Командирскій мостикъ, рулевой аппаратъ и два перископа.

*) Тонна—62 пуда. Водоизмѣщеніе—вѣсъ корабля съ вооруженіемъ, имуществомъ и командой, или вѣсъ воды, вытѣсненной объемомъ погруженной части корабля.

Послѣ выстрѣла миною, чтобы не нарушить равновѣсія лодки, тяжесть мины замѣняется соответствующимъ по вѣсу количествомъ воды.

Для перемѣны и освѣженія воздуха въ лодкахъ имѣются спеціальныя вентиляторы и воздухохранилища, а также запасы сжатого кислорода. Лодки послѣдняго образца могутъ пробывать подъ водой около двухъ сутокъ, не мѣняя и не освѣжая воздуха.

Главное, къ чему стремятся достигнуть въ подводныхъ лодкахъ—

это дать имъ наибольшую мореходность, т.-е., чтобы лодка могла имѣть достаточный запасъ топлива для болѣе самостоятельнаго дальнѣйшаго плавания и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы лодка не боялась свѣжей волны. Вотъ почему теперь строятъ все болѣе и болѣе большого размѣра лодки, стараясь придать имъ характеръ наступательный, а не оборонительный, какимъ могутъ служить небольшія лодки въ 100—150 тоннъ водоизмѣщенія, не способныя далеко удаляться отъ своей базы.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Факирь.

Индусская легенда Шарля Тениба.

I.

Городъ Тривандрумъ дремалъ въ тяжеломъ зноѣ дня. Вдали слышался тихій рокотъ моря, похожій на унылую колыбельную пѣсню. Шумъ волнъ, достигавшихъ ступеней веранды одного изъ дворцовъ, пробуждалъ неопредѣленную меланхолю и смѣшивался съ шумомъ воды, которою два прислужника поливали широкое полотно, натянутое между двумя колоннами.

Раскинувшись на мягкихъ подушкахъ, Адити, дочь Гутналь-Сармы, наслаждалась этимъ шумомъ и радовалась, чувствуя, какъ вѣтерокъ, навѣваемый мѣрнымъ движеніемъ легкой ткани, пробѣгалъ надъ нею, ласкалъ ея губы, касался ея рѣсницъ.

Гутналь-Сарма былъ однимъ изъ богатѣйшихъ купцовъ провинціи. Онъ владѣлъ огромными, богато орошавшимися водой, рисовыми плантаціями, на которыхъ трудились сотни рабочихъ; кромѣ того, онъ обладалъ стадами тучныхъ коровъ и великолѣпныхъ быковъ съ огромными, сильными рогами. Его суда выходили въ море, нагруженные сушеными фигами, фисташками, гранатами и драгоценнымъ деревомъ, которое высылалось изъ его владѣній въ гавань караванами слоновъ. Судьба дала ему еще Адити, это самое драгоценное и несравненное изъ сокровищъ.

Ей шелъ четырнадцатый годъ, и она только-что отпраздновала двойной праздникъ: „дѣвственности и обрученія“, и родители ея нареченнаго были въ восторгѣ отъ ея красоты. „Она прекрасна, — говорили они: — какъ Деванагуи, вѣчная дѣва“.

Въ то время, какъ Адити предавалась своимъ мечтаніямъ, лежа на верандѣ дворца, въ часъ, когда загорался вечерней зарей глубокой куполь синяго неба, одна изъ прислужницъ подняла пологъ занавѣси, скрывавшей входъ въ спальню дѣвушки.

— Саверинаденъ тамъ, — сказала она.

— Пусть войдетъ.

Это былъ извѣстный на всемъ югѣ Индіи „святой“. Сынъ танцовщицы изъ пагоды Тривандрума, онъ съ дѣтства былъ посвященъ тайнамъ браминовъ. Его жизнь прошла въ безконечныхъ страданіяхъ и безконечныхъ вождѣльнѣяхъ. Теперь, ставъ полнымъ хозяиномъ своего тѣла и своей души, онъ уже могъ управлять и потребностями въ удовольствіяхъ и жаждой страданій. Его уму, укрѣпленному опытомъ, открылся невѣдомый міръ иныхъ людей; передъ его глазами проходили туманныя воспоминанія объ угаснувшихъ жизняхъ или о смутныхъ надеждахъ тѣхъ душъ, которыя должны были еще родиться.

Слава этого человѣка побудила въ Адити желаніе его видѣть, и она рѣшила послать браминамъ большую сумму денегъ. Факиры—рабы храмовъ. Преданные нищетѣ, они употребляли свои таинственныя способности, давая публичныя представленія, которыми умножали священныя сокровища. Факирь, это—таинственная и непобѣдимая сила Индіи.

Итакъ, передъ Адити и ея служанкой стоялъ Саверинаденъ. Одѣтъ онъ былъ въ полотняныя шаровары и тюрбанъ, мускулы его были какъ бы обтянуты смуглой, блестящей кожей; неподвижный и нѣмой, онъ походилъ на бронзовую статую. Кожаный ножъ, знакъ давнишняго посвященія въ таинства, висѣлъ на его кушакѣ, завязанный семью узлами. Онъ разглядывалъ молодую дѣвушку, ея цѣломудренный лобъ, восхитительную шею, на которой горѣли сапфиры, передникъ изъ индійскаго шелка, ея красивыя бедра, изогнутыя въ видѣ лиры, соблазнительно просвѣчивавшія подъ легкими волнами золотистаго газа, ея маленькую обнаженную ножку, съ которой упала туфелька, и которая утопала въ пушистомъ коврѣ, разостланномъ на мраморѣ. Но могъ ли факирь, вступивъ во вторую половину своей жизни, воодушевиться при видѣ женщины, — онъ, который съ дѣтства спалъ подъ одной кровлей съ прелестнѣйшими дѣвушками Индіи?

— Саверинаденъ, — проговорила Адити: — ты знаешь, для чего я тебя позвала? Я хочу видѣть что-нибудь интересное. Начинай.

Факирь произнесъ громкимъ голосомъ односложное таинственное слово: *Омъ*, три священныя слова: *Буръ, Бувагъ, Суаръ*—и началъ шептать молитвы. Потомъ, увидѣвъ въ углу веранды большую серебряную вазу, сдѣланную въ Непалѣ, на которой были изображены барельефы изъ жизни Кришны, сына Вишны, сошедшаго на землю для искупленія людей, Саверинаденъ протянулъ къ ней руки. Адити услышала, какъ онъ умолялъ „духа, имѣющаго три вида“, и „силы, которыя управляютъ законами личной жизни“. Вдругъ огромная ваза слабо колыхнулась, цвѣты, которыми она была наполнена, задрожали, будто ихъ тронула невидимая рука, и она соскользнула съ лѣстницы и приблизилась къ факиру.

Когда первое изумленіе прошло, Адити сказала:

— Заставь ее подойти ко мнѣ.

Ваза тихо придвинулась къ ней, но Адити порывисто отступила, испуганно вскрикнувъ:

— Остановись!

Тогда ваза начала вертѣться, сначала медленно, потомъ быстрее и быстрее и наконецъ завертѣлась съ поразительной быстротой, не касаясь земли.

И вотъ изъ нея послышалась музыка, смутная, непонятная, похожая на пѣсню женщины, возвращающихся вечеромъ съ полей. Адити узнала одну изъ этихъ пѣсень, прошедшихъ чрезъ вѣка, античный романсъ, навѣваемый изъ года въ годъ матерями и кормилицами маленькимъ дѣтямъ о томъ, какъ голубокъ воркуетъ въ вечернемъ сумракѣ о счастіи любить.

Звуки въ волшебной вазѣ погасли, какъ вздохи.

Саверинаденъ началъ снова свои заклинанія.

Бутонъ олеандра, оторвавшись отъ вѣтки, на мгновеніе повисъ въ воздухѣ.

— Возьми этотъ цвѣтокъ въ руку, — сказалъ факирь.

И изумленная Адити увидѣла, какъ бутонъ распустился въ ея рукахъ.

— Твоя власть похожа на власть бога.

— Я только вѣтка, колеблемая вѣтромъ, — отвѣтилъ факирь.

Онъ сорвалъ въ вазѣ нѣсколько цвѣтковъ голубого лотоса, олеандра, лавра, граната и апельсина и положилъ ихъ на мраморныя ступени, но они отдѣлились отъ ступеней, приблизились другъ къ другу, сплелись между собой и, образовавъ вѣнокъ, поднялись на воздухъ.

Адити, которой овладѣло сильное волненіе, задрожавъ, проговорила:

— Довольно. Ты усталъ.

Дѣйствительно, казалось, имъ овладѣло страшное изнеможеніе.

— Завтра ты возвратишься, — добавила дѣвушка.

И на другой день, въ часъ вечерняго отдохновенія, Саверинаденъ вернулся. Произнесъ магическія слова, онъ протянулъ руку къ полотняному пологу веранды и сказалъ:

— Смотри.

Полотно начало превращаться въ облако, и сквозь розовый блескъ его показались обширныя руины. Куполы, опиравшіеся на осколки камней, изъ которыхъ подымалась ползучая зелень, портики, источенные временемъ, сваи, упавшія кусками на свои основанія. Это былъ цѣлый огромный городъ, опустошенный тяжестью шести вѣковъ и одержанными надъ нимъ побѣдами. Чьи руки обрывали эти каменные кружева? Какія лезвья открыли раны въ этихъ рельефахъ и обезглавили статуи героевъ и боговъ? Тамъ и сямъ священныя озера, сверкавшія бликами спящія воды, а на этихъ умирающихъ красотахъ тамариндовыя деревья образовывали темно-зеленые храмы.

— Беждапуръ! — проговорилъ факирь.

Это былъ самый большой городъ той Индіи, которая должна будетъ погибнуть.

Саверинаденъ приходилъ каждый день. Адити не желала больше, чтобы къ ней пускали для развлеченія индусскихъ рапсодовъ, знавшихъ столько легендъ тѣхъ временъ, когда жизнь и сонъ были еще нераздѣльны. Какое ей было дѣло теперь до скромной дѣвы, до Судана-Святеля, до словъ Кришну въ пустынномъ лѣсу, — теперь, когда человѣкъ перенесъ ее въ волшебный міръ чудесъ, въ волшебный міръ грѣзъ! И она позволила увлечь себя въ эти прекрасныя бездны.

Факирь то принимался украшать полъ гирляндами цвѣтовъ, то поражалъ параличомъ служанку Адити и вылѣчивалъ ее однимъ словомъ; то вдругъ играла гдѣ-то флейта тѣ пѣсни, которыя Адити хотѣлось слышать, и наконецъ онъ самъ подымался на нѣкоторое разстояніе отъ пола и долгое время оставался висѣть въ воздухѣ безъ всякой поддержки.

Однажды онъ сказалъ молодой дѣвушкѣ:

— Спроси самое себя, о чемъ хочешь.

И она подумала: „Кто больше всѣхъ любилъ меня?“ — и вдругъ на полу огненными буквами появились слова:

„Ама, твоя мать.“

Она подумала еще: „Кто меня больше всѣхъ полюбитъ въ будущемъ?“ — и невидимая рука вновь начертала:

„Тотъ, кто тебѣ никогда не откроется, и котораго ты никогда не полюбишь.“

Когда Адити замѣчала, что усталость налагала свою печать на

лицо Саверинадена, она сажала его против себя и спрашивала:

— Какимъ образомъ ты достигъ этой сверхчеловѣческой власти?

— Я—только орудіе въ рукахъ высшихъ существъ.

— Какимъ образомъ вступилъ ты въ сношеніе съ этими высшими существами?

— Ты требуешь у меня открытія тайнъ посвященія.

— Тогда расскажи мнѣ что-нибудь другое изъ твоей жизни.

И факирь рассказывалъ о своемъ паломничествѣ къ Гангу, о томъ, какъ онъ ползъ на колѣняхъ къ священному городу Бенаресу. И казалось, голосъ его обрывался, когда онъ рассказывалъ о прибытіи своемъ туда и при воспоминаніяхъ о развернувшихся красотахъ, которыя стали тогда передъ его очарованными глазами. Въ ослѣпительныхъ лучахъ солнца тонули минареты, пѣгоды, башни съ аистами на верхушкахъ. Мраморныя кружева дворцовъ, отраженные въ безконечныхъ повтореніяхъ въ водахъ священной рѣки. Толпы народа, наводнявшія необозримыя площади, безчисленныя террасы, взбиравшіяся другъ на друга между кущами баобабовъ, банановъ, цвѣтушихъ тамариндовъ, превращавшихся на далекихъ окраинахъ въ огромныя густыя лѣса.

Цѣлыхъ четыре года для очищенія своей души онъ пребывалъ на берегахъ Ганга, стоя на одномъ изъ карнизовъ Гаты, куда ему бросали его пищу. Каждый день видѣлъ онъ подъ собой „кули“, согбенныхъ подъ тюками товаровъ; они шмыгали взадъ и впередъ, разгружая и нагружая суда. И онъ рассказывалъ о крикахъ, возгласахъ и разговорахъ моряковъ, наставлявшихъ паруса, о звонѣ цѣпей, о грохотѣ ящиковъ на палубахъ кораблей.

Блаженны тѣ, кто умираетъ на берегу этой великой рѣки, тѣ, кого уносятъ ея воды. Они не перевоплощаются въ другіе организмы и переходятъ прямо въ блаженство. И факирь, отдавшійся своимъ грезамъ, стоя на карнизѣ, походилъ на существо, остановившееся между жизнью и смертью. Въ концѣ концовъ привыкшія къ его присутствію сойки, оперенные лазурью и золотомъ жаворонки и зеленые голуби, обитатели пѣгодъ, рѣзвились вокругъ него, зачерчивая на залитомъ солнцемъ небѣ зигзаги яркихъ цвѣтовъ. Онъ рассказывалъ о часахъ омовенія въ фіолетовыхъ и голубыхъ водахъ, о часахъ, когда закатъ разстилалъ огненные скатерти по долинамъ Мейвара, и когда ночи Ганга посылали волшебныя лучи на легкія волны, когда раздавались уныло-однообразныя всплески воды о прибрежныя камни, о рѣкѣ, которая чернѣла отъ множества барокъ. Адити слушала его возбужденная, испуганная и смущенная, вся во власти рассказчика, который съ чрезвычайной ловкостью управлялъ движеніями души этого ребенка. Часы протекали въ воспоминаніяхъ о давно прошедшихъ дѣлахъ, а порошокъ сандала и ирисоваго корня сгоралъ въ мѣдныхъ курильницахъ, окутывая собесѣдниковъ прозрачнымъ голубымъ облакомъ.

Но насталъ день, когда Адити сдѣлалась разсѣянной. И Саверинаденъ сказалъ ей:

— Тебя не интересуютъ больше эти рассказы. Хочешь, я уйду?

— Мной овладѣла мечта, которая не даетъ мнѣ покоя. Но ты можешь остаться.

И она прибавила:

— Ты, который все знаешь, можешь ли угадать ее?

Онъ собрался съ мыслями:

— О чемъ можетъ думать молодая дѣвушка, какъ не о своемъ избранникѣ,—отвѣтилъ онъ и прибавилъ другимъ тономъ:—о томъ, кого она любитъ.

— Ты отгадалъ. Въ моей душѣ живетъ образъ Віасы. Черезъ десять дней онъ одѣнетъ на мою шею брачное ожерелье.

Онъ не сказалъ ни слова, и она замѣтила, что факирь плачетъ.

II.

Овладевъ собой, Саверинаденъ ушелъ, глубоко задумавшись. Адити не просила его возвращаться, но въ слѣдующіе дни она никуда не могла пойти, чтобы не встрѣтить его на своемъ пути колѣно-преклоненнаго, съ опущенными въ землю глазами и съ выраженіемъ глубокихъ думъ на челѣ. И каждый разъ она смутно догадывалась, что онъ бродитъ около ея дома, чтобы увидѣть ее. Каждый вечеръ подымалась она на террасу, чтобы подышать запахомъ олеандровъ и апельсиновыхъ деревьевъ, насладиться пѣніемъ соловьевъ и райскихъ птичекъ, просыпавшихся послѣ своего дневного сна. Неясная тѣнь какъ-будто витала надъ террасой въ блескѣ лунныхъ лучей. Однажды ночью, когда слоны священной пѣгоды начали своими хоботами ударять въ гонгъ, Адити увидѣла таинственный свѣтъ, озарившій тьму; появились вдругъ свѣтлыя руки, бросавшія огненные снопы, и чей-то голосъ запѣлъ знакомую ей пѣсню о двухъ голубкахъ и о счастьѣ любви.

На другой день она послала за Саверинаденомъ.

— Зачѣмъ ты лишилъ меня покоя въ эту ночь?

— Твой отецъ имѣетъ больше земель, стадъ и слугъ, чѣмъ любой раджа. Моя мать продаетъ перецъ на базарѣ. Между тобой и мной огромная пропасть, заполненная цѣлымъ сонмомъ людей. Прикажи покарать меня.

— Ты—великій праведникъ, но твое могущество меньше могущества боговъ, а боги предписываютъ уважать дѣвственность.

— Еще только одинъ разъ ты увидишь меня въ день, когда ты будешь счастлива. Съ того дня имя Саверинадена исчезнетъ для тебя навѣки.

— Хорошо. Сдержи свое слово.

Онъ ушелъ.

III.

Въ день свадьбы Адити съ Віасой, съ сыномъ Вишвамитры, море зардѣлось кровавымъ блескомъ; потомъ заря осыпала жемчужнымъ свѣтомъ священную пѣгуду. По дорогѣ, ведущей въ храмъ, мрачныя цвѣты болотнаго касатика зажглись ярко-красными бликами, и на деревьяхъ задрожали листья, похожіе на висячія кружева голубиныхъ гнѣздъ. Наконецъ показался готовый къ шествію кортежъ. Во главѣ шли десять слоновъ, съ украшенными гирляндами цвѣтовъ хоботами, съ униженными золотыми кольцами клыками, съ паланкинами, на вершинахъ которыхъ блестяли серебряныя солнца и раздѣвались шелковыя ткани и флаги. Позади слоновъ колесницы, увитыя цвѣтами, везли статую Вишну, заново умащенную масломъ, а позади нея шествовали съ улыбкой на устахъ безпечныя „девадасси“—танцовщицы священной пѣгоды или баядерки, въ богатыхъ шелковыхъ костюмахъ, отороченныхъ серебромъ и золотомъ. Паланкинъ новобрачныхъ, на тонкихъ колонкахъ, съ остроконечной крышей, былъ цѣликомъ вылитъ изъ золота съ инкрустаціей изъ слоновой кости; его окружали колесницы приглашенныхъ, везомыя цейлонскими лошадыми.

Солнце заливало востокъ. Одинъ изъ лучей его загорѣлся на священномъ треугольникѣ пѣгоды въ то время, когда раздались звуки трубы браминовъ. По этому сигналу вожакъ ударилъ слоновъ своими пиками по широкимъ лбамъ, и тѣ, поднявъ хоботы, тяжело двинулись впередъ въ толпу, которая кричала.

Кортежъ остановился передъ пѣгодой, и народъ окружилъ колесницу Вишну, чтобы видѣть танцы баядерокъ. Тотчасъ же ступни и колѣни ихъ сдвинулись, онѣ выгнулись, и по тѣламъ ихъ пробѣжала дрожь. Онѣ наклонились впередъ, вытянули руки, сжали кулаки, потомъ, вдругъ выпрямившись, опрокинули назадъ головы, и изъ ихъ полуоткрытыхъ губъ вырывались вздохи, похожіе на молитвы. Изъ-подъ ихъ полуоткрытыхъ вѣкъ сквозилъ томный, страстный взглядъ. И долго, долго танцовали красавицы-баядерки, граціозно извиваясь и принимая тысячи всевозможныхъ позъ, выражавшихъ то манящую нѣгу, то презрѣніе и укоръ, то безпомощность и страсть, то вождельніе и безуміе.

Танцы кончились, и всѣ въ глубокомъ молчаніи перешли на другую сторону аллеи. На срѣзанные стволы деревьевъ положили горизонтально нѣсколько колесъ съ придѣланными къ ихъ ободамъ желѣзными крючьями. На каждое колесо легло по шести факировъ. Желѣзные крючья пронзали ихъ бедра, руки и плечи, и кровь капля за каплей струилась на землю, покрывая ее черными пятнами. Люди взялись за обода, и колеса быстро завертѣлись, увлекая за собой жертвы, и ясные голоса факировъ, не дрогнувъ, стали славословить Шиву. Это были обычныя сцены каждой богатой и знатной свадьбы. Адити послѣ недолгаго наблюденія опустила пологъ своего паланкина, втайнѣ боясь узнать между факирами Саверинадена.

Но она увидѣла его минуту спустя между гандхарвасами—священными музыкантами, въ то время, когда она поднималась по лѣстницѣ пѣгоды рядомъ съ Віасой. Онъ взглянулъ на нее такъ, какъ-будто хотѣлъ запечатлѣть навѣки въ своей душѣ ея образъ. Прежде чѣмъ женихъ съ невѣстой достигли порога пѣгоды, онъ приблизился къ браминамъ и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Духъ Шивы повелѣваетъ мнѣ принести въ жертву мои глаза въ честь Адити, дочери Гутналь-Сармы, и Віасы, сына Вишвамитры.

„Жертва глазъ“—очень рѣдкая жертва среди факировъ. Она требуетъ самаго невѣроятнаго презрѣнія къ страданіямъ. Ужасъ овладѣлъ толпой. Адити, которая не могла помѣшать этому акту, такъ какъ это значило бы оскорбить божество, съ глубокимъ ужасомъ слѣдила за движеніями факира.

Саверинаденъ подошелъ къ одной изъ благоуханныхъ курильницъ, дымившихся по обѣимъ сторонамъ портика, и вынулъ изъ нея тонкій желѣзный амулетъ, раскаленный и блестящій, какъ звѣзда. Потомъ онъ еще разъ взглянулъ на молодую дѣвушку, на этотъ разъ взглядомъ невыразимо нѣжнымъ, взглядомъ мучительнымъ, долгимъ, послѣднимъ...

Два облачка дыма поднялись отъ его лица.

Губы его дрогнули, будто онъ хотѣлъ заплакать, но только двѣ слезы уныло скатились по его щекамъ изъ потухшихъ уже глазъ.

Когда Адити вступила въ комнату своего супруга, до нея доносились еще голоса браминовъ, возвращавшихся изъ пѣгоды и пѣвшихъ вечернюю службу—ежедневный гимнъ въ память мертвыхъ. И она подумала о Саверинаденѣ, тоже умершемъ для нея и для свѣта..

Высочайшій рескриптъ,

данный на имя Морского Министра адмирала Григоровича.

Иванъ Константиновичъ. Въ 23-й день іюня сего года Мною утвержденъ одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думою законъ объ опредѣленіи стоимости постройки новыхъ судовъ военного флота и оборудованія заводовъ морского вѣдомства и объ отпускѣ изъ Государственнаго Казначейства средствъ на означенную постройку и оборудованіе. На основаніи сего закона, въ распоряженіе морского вѣдомства, въ теченіе ближайшаго пятилѣтія, поступаетъ исключительное по своимъ размѣрамъ ассигнованіе въ полмилліарда рублей на возсозданіе нашего боевого флота.

Да будетъ этотъ день не только днемъ великихъ надеждъ для Россіи, но и днемъ великой отвѣтственности для морского вѣдомства. Тяжкія раны, нанесенныя въ минувшую войну нашему, не знавшему дотолѣ поражений, флоту, должны быть исцѣлены; нашъ флотъ долженъ быть возсозданъ въ могущество и силѣ,

наго типа для Балтійскаго и Чернаго морей положено начало возсозданію нашей морской обороны. Но какъ бы ни были важны сами по себѣ все эти мѣры, онѣ имѣютъ значеніе лишь подготовительной работы къ осуществленію основной задачи, отъ которой зависятъ и наша внѣшняя безопасность и наше международное положеніе. Эта задача — на ряду съ правильной постановкой сухопутной обороны соорудить и флотъ, соответствующій по своей численности и боевымъ качествамъ потребностямъ Россіи.

Нынѣ, съ Божіею помощью, настало время приступить къ осуществленію и этой задачи. На васъ выпадаетъ счастливый, но и отвѣтственный передо Мною и Родиной жребій — выполнить великое историческое предначертаніе. Не сомнѣваясь въ безавѣтной готовности вашей отдать все свои силы на служеніе этому дѣлу, вѣрю и надѣюсь, что и въ сотрудникахъ вашихъ вы найдете тѣ же чувства и ту же преданность долгу. Пусть чины морского вѣдомства и флота, отъ мала до велика, помнятъ, что въ ихъ рукахъ будущее Россіи, какъ морской державы, пусть они

Къ 100-лѣтнему юбилею Штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа, торжественно отпразднованному 30 іюня с. г. въ Красносельскомъ лагерѣ. Группа участвовавшихъ въ торжествѣ во главѣ съ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ войсками гвардіи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. По фот. К. Булла.

отвѣчающихъ достоинству и славу Россіи, но раны эти, какъ неисполненное намъ Божественнымъ Промысломъ испытаніе, не должны быть забыты. Въ памяти о нихъ необходимо почерпнуть стремленіе избѣгать въ будущемъ тѣхъ несовершенствъ и ошибокъ, которыми отмѣчено недавнее прошлое.

Въ рядѣ рескриптовъ, данныхъ Мною на имя вашихъ предшественниковъ на посту Морского Министра, Я указывалъ уже на нравственный долгъ, лежащій на веѣхъ чинахъ флота и морского вѣдомства, сознать содѣянные ошибки и положить въ основаніе трудовъ веѣхъ и каждого горячее и честное стремленіе къ исправленію этихъ ошибокъ. Тогда же Мною отмѣчены были и главнѣйшія неустройства въ дѣлѣ организациі нашихъ морскихъ силъ. Съ той поры многое сдѣлано. Приняты мѣры для укрѣпленія воинскаго духа и дисциплины во флотѣ, подвергнуты пересмотру правила прохожденія службы офицерами, осуществлено преобразование Главнаго Морского и Морского Генеральнаго Штабовъ, введены новыя основанія командованія боевыми силами флота, предпринята общая реформа центральныхъ учреждений морского вѣдомства, намѣчены преобразования въ области кораблестроительнаго дѣла и управленія заводами и портами, и наконецъ приступомъ къ сооруженію боевыхъ судовъ современ-

проникнуты сознаниемъ, что въ дѣлѣ, отъ котораго зависятъ честь и слава родной земли, всякое нарушеніе долга, малодушное нерадѣніе, нерасчетливое промедленіе и расточительная безхозяйственность — равносильны тяжкому преступленію передъ Царемъ и Родиной. Да отойдутъ въ прошлое все тѣ упреки, которымъ не разъ давало поводъ морское вѣдомство, и да укрѣпится въ немъ одно стремленіе возродить славные завѣты незабвенныхъ создателей нашего флота.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„и уважающій васъ

НИКОЛАЙ“.

Яхта „Штандартъ“.
Балтійскій Портъ.
23-го іюня 1912 года.

Приказъ по флоту.

Въ 29-й день іюня 1912 года Мною произведена закладка военнаго порта въ Ревель, наименованнаго портомъ Императора Петра Великаго и долженствующаго служить столь необходимой базой для возсоздаемаго Балтійскаго флота.

Какъ бы ни былъ искусно сооруженъ новый оплотъ нашихъ вооруженныхъ силъ на побережьи Балтійскаго моря,—неприступность его будетъ покониться первѣйшимъ образомъ на крѣпости духа тѣхъ чиновъ флота, на долю коихъ, въ годину грозныхъ испытаній, выпадетъ задача, въ сознаниі священиаго долга передъ Родиной, противопоставить нападенію врага непоколебимую воинскую доблесть.

Два вѣка тому назадъ Императоръ Петръ Великій, велѣніемъ котораго была сооружена первая морская база въ Кронштадтѣ, завѣщаль флоту оборонять этотъ портъ „до послѣдней силы и живота, яко наиглавнѣйшее дѣло“. Въ заботахъ о надлежащемъ развитіи и укрѣпленіи морскихъ вооруженныхъ силъ на Балтійскомъ морѣ, Я твердо вѣрю, что личный составъ

Въ Красносельскомъ лагерѣ. Военный дирижабль, обслѣдующій расположеніе войскъ. По фот. А. Далматова.

любезнаго сердцу Моему флота объединенъ стремленіемъ свято хранить завѣтъ державнаго своего Основателя и тщательно готовиться къ выполненію великой задачи, опредѣляющей собой причину его бытія. Это стремленіе даетъ Мнѣ увѣренность, что, въ осуществленіи возлагаемой Мною на Балтійскій флотъ обороны, онъ будетъ неуклонно слѣдовать примѣрамъ доблестныхъ своихъ предковъ, стяжавшихъ Андреевскому флагу на водахъ Финскаго залива и Ревельскаго рейда неувядаемую славу.

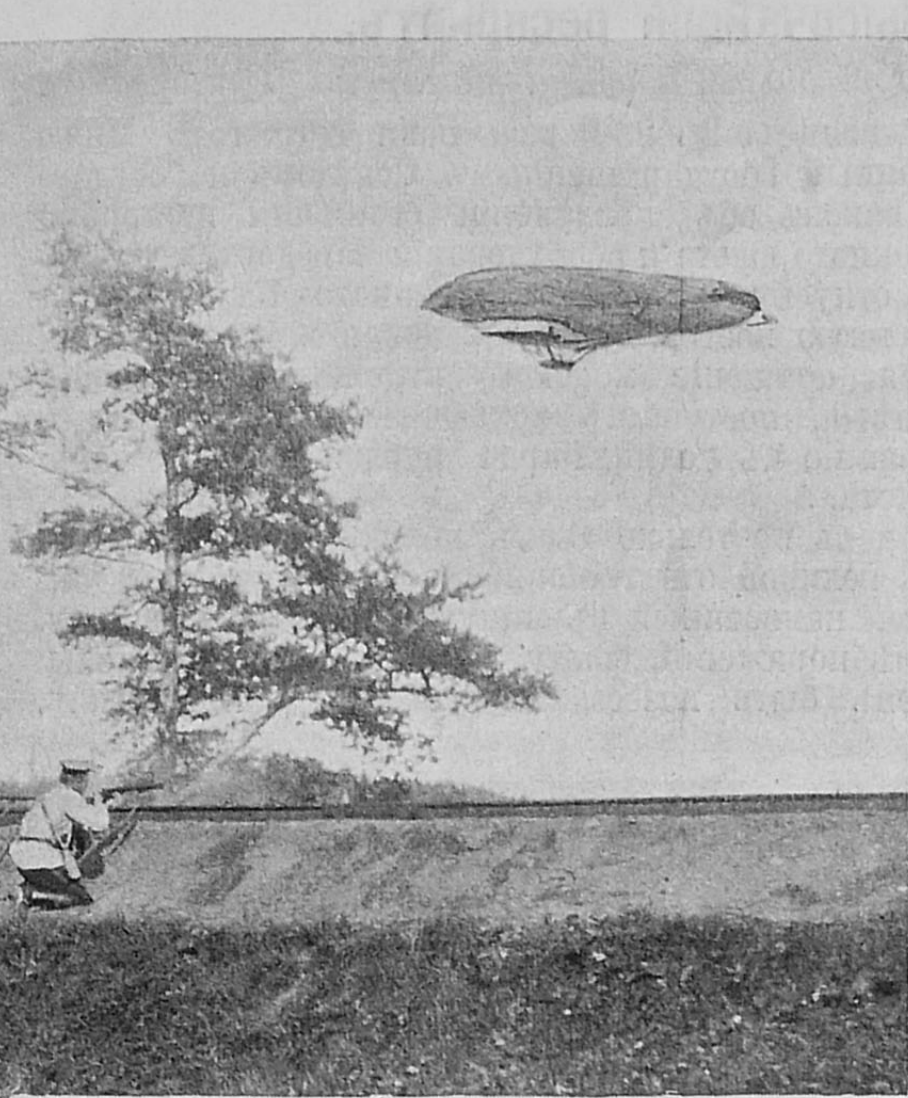
На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„НИКОЛАИ“.

На яхтѣ „Штандартъ“,
на Ревельскомъ рейдѣ
29-го іюня 1912 года.

Призрѣніе нижнихъ чиновъ.

(Вопросы внутренней жизни).

Нельзя не привѣтствовать отъ всей души послѣднее постановленіе Гос. Совѣта, пошедшаго на уступку Гос. Думѣ и приня-

ясненіямъ представителя Министерства Финансовъ, изъ числа лицъ, имѣющихъ право на существенную помощь государства по новому закону. Радья о судьбѣ ветерановъ будущихъ войнъ,

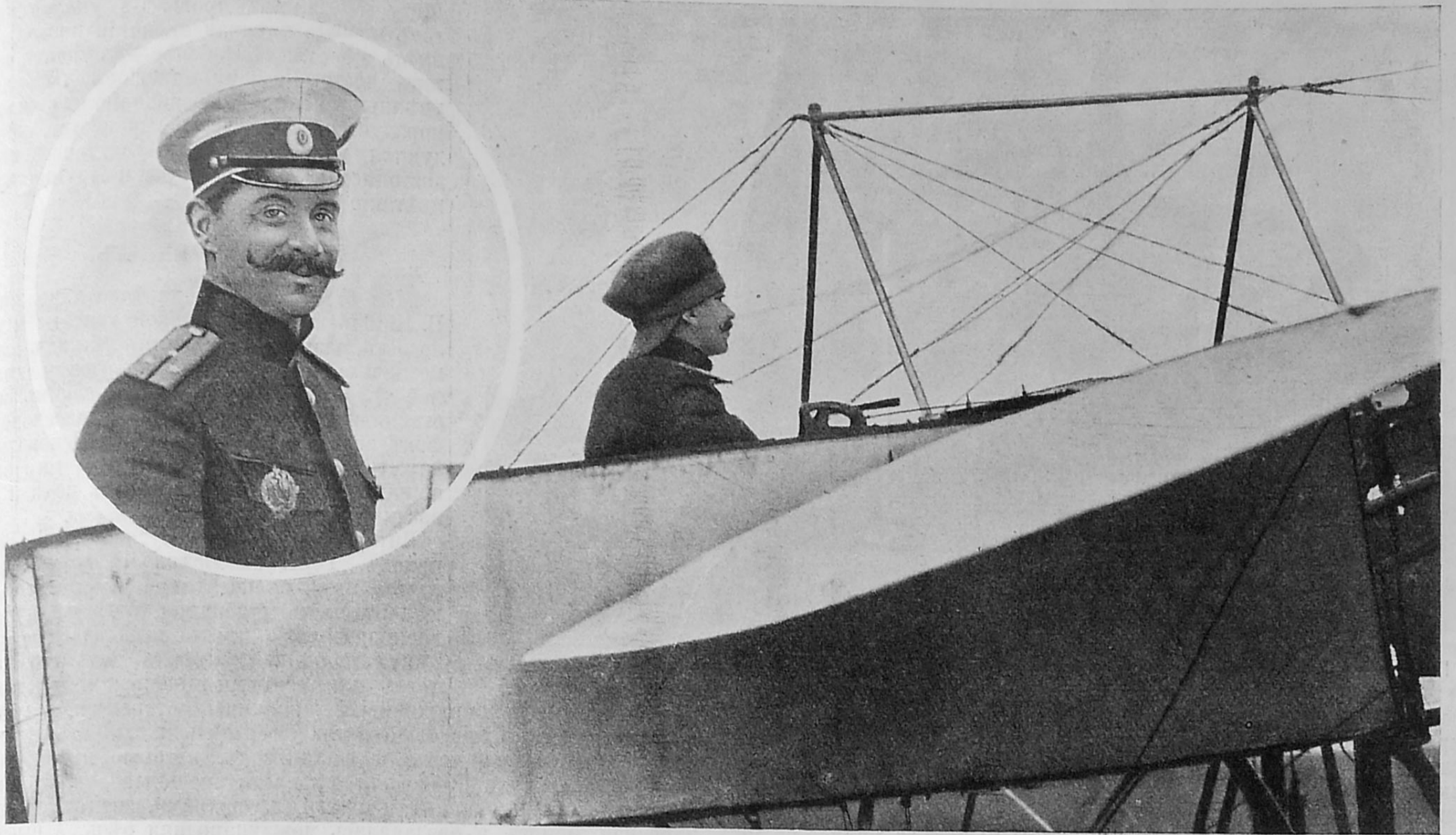
мы закрыли глаза на безпомощное положеніе тѣхъ ветерановъ, тѣхъ искалѣченныхъ героевъ, которыхъ оставила намъ японская война. Увѣшанные георгиевскими крестами калѣки осуждены были продолжать горемычное, нищенское существованіе, просить милостыню по улицамъ и пользоваться поддержкою частныхъ лицъ, потому что государство, на защиту котораго они отдали свою кровь и здоровье, по соображеніямъ экономіи отказалось выдавать имъ достаточную для существованія пенсію. Министерство Финансовъ возражало противъ помощи ветеранамъ русско-япон-

Новый китайскій премьеръ-министръ Лу-Чень-Цзянь, бывшій посломъ при русскомъ Дворѣ.

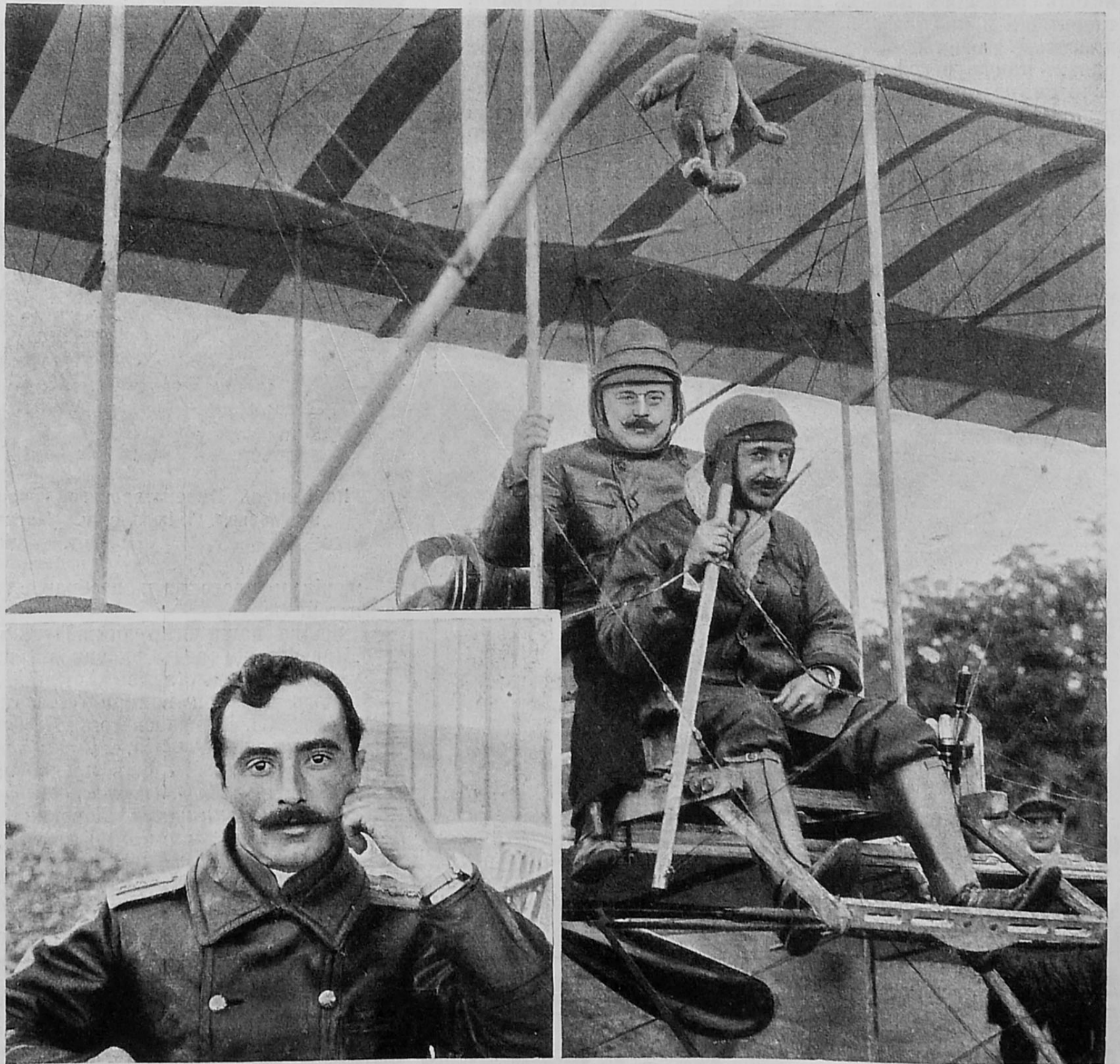
Къ 100-лѣтію присоединенія Бессарабіи къ Россіи. Депутация отъ населенія Бессарабской губерніи, прибывшая въ Петербургъ для принесенія чувствъ вѣрнопопданнической преданности и благодарности Государю Императору и принятая Его Величествомъ Государемъ Императоромъ въ Большомъ Петергофскомъ Дворцѣ 15 іюня с. г. Въ составъ депутации вошли представители духовенства во главѣ съ высокопреосвященнымъ Серафимомъ, архіепископомъ кишиневскимъ и хотинскимъ, представители дворянства: и. д. бессарабскаго губернскаго предводителя дворянства Леонардъ, уѣздные предводители дворянства, представители земства во главѣ съ Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, гофмейстеръ Харузинъ, кишиневскій городской голова Лебинскій и представители отъ сельскаго населенія Бессарабіи, среди которыхъ находились болгары, молдаване, малороссы и великороссы.

Лейтенантъ В. В. Дыбовскій.

Военный летчик севастопольской авіаціонной школы лейтенантъ Дыбовскій, пролетѣвшій изъ Севастополя чрезъ Москву въ Петербургъ (болѣе 2.000 верстъ) на „Ньюпортъ № 2“. По фот. К. Булла.

ской войны въ виду громадности расходовъ, связанныхъ съ призрѣніемъ такого значительнаго числа раненыхъ, и въ нашей верхней палатѣ эти бухгалтерскія исчисления на время взяли верхъ надъ высшими соображеніями государственной этики и государственнаго благо-разумія. Ветераны административнаго міра, подавая голоса за оставленіе безъ помощи ветерановъ минувшей войны, не приняли въ расчетъ того душевнаго состоянія, которое испытываетъ каждый воинъ, идущій въ бой, когда онъ знаетъ заранее, что, въ случаѣ искалѣченія или гибели, великодушное отечество не дастъ погибнуть отъ голода ни искалѣченному герою ни его семьѣ. Гораздо тяжелѣе жертвовать для спасенія родины и собою и участію своихъ близкихъ, чѣмъ только собою. Извѣстное обезпеченіе семействъ и участіе пострадавшихъ на войнѣ, заранее установленное закономъ, морально облегчаетъ геройство и можетъ породить десятки тысячъ новыхъ проявленій самаго героическаго мужества на войнѣ. Тогда какъ поголовное обреченіе національныхъ героевъ на нищенство и голодную смерть способно въ концѣ концовъ оказать на массу нижнихъ чиновъ

Капитанъ Д. Г. Андреади.

Военный летчикъ штабъ-капитанъ Андреади, совершившій перелетъ изъ Севастополя въ Москву (около 2.000 верстъ) и оттуда направившійся въ Петербургъ. На аэропланѣ въ качествѣ пассажира—одесскій градоначальникъ И. В. Сосновскій, совершившій съ Андреади полетъ въ Одессѣ 7 іюня, до его полета въ Петербургъ. По фот. І. Шнейдера въ Одессѣ.

Пріютъ для сиротъ и вдовъ русскихъ художниковъ имени П. М. Третьякова въ Москвѣ.

совершенно противоположное вліяніе. Нельзя требовать, чтобы храбрость воиновъ всегда была дѣйствительно безумной—для нея слѣдуетъ создать вполне разумныя основанія. Самоотверженная любовь къ отечеству воспитывается его отеческими заботами о своихъ защитникахъ, вѣками отеческой любви къ проливающему свою кровь народу. Воспитаніе любви къ родинѣ въ мирное время воспитываетъ мужество самоотверженныхъ защитниковъ ея на войнѣ, а отъ героизма нѣсколькихъ тысячъ воиновъ зависитъ иногда исходъ сраженій и цѣлыхъ кампаній, оплачиваемыхъ утратой территорій и миллиардами контрибуцій. Вотъ почему узко-финансовые расчеты объ убыточности широкой помощи ветеранамъ манчжурской войны приходится признать глубоко-ошибочными не только съ государственной, но даже съ чисто бухгалтерской точки зрѣнія: сберегая миллионы, такая близорукая экономія рискуетъ не только миллиардами, но всѣмъ національнымъ достояніемъ, не переводимымъ на языкъ цифръ.

Пріятно отмѣтить, что Министерство Финансовъ само поняло ошибочность своихъ расчетовъ и при вторичномъ разсмотрѣніи вопроса взяло назадъ свои возраженія противъ распространенія закона о призрѣніи нижнихъ чиновъ на ветерановъ манчжурской войны. Благополучное рѣшеніе вопроса будетъ встрѣчено всею Россіею съ радостнымъ вздохомъ облегченія. Послѣ официальныхъ увѣреній о блестящемъ положеніи государственныхъ финансовъ было бы неловко отказывать въ уплатѣ госу-

дарственного долга за пролитую въ защиту государства кровь. Въ уплатѣ долговъ вообще никакая экономія не должна имѣть мѣста, а тѣмъ болѣе—въ уплатѣ долговъ чести. Поэтому вмѣстѣ съ тысячами увѣчныхъ воиновъ обезпеченію ихъ участи порадуется все русское общество, порадуется всѣ, кому дороги государственное достоинство, военная слава и будущее процвѣтаніе Россіи.

Къ рисункамъ.

„На берегу моря“—картина художника П. Шаба—видѣніе женской красоты и молодости, озаренной горячимъ лѣтнимъ солнцемъ и синимъ моремъ... Молодое прекрасное тѣло какъ-будто свѣтится своимъ собственнымъ блескомъ на ослѣпительномъ фонѣ знойнаго солнечнаго дня. И невольно кажется, что оно родилось изъ этого всеобщаго свѣта и блестящихъ въ водѣ и въ воздухѣ радужныхъ бликовъ.

Интересная картина художника А. Васнецова „Торгъ въ Великомъ Новгородѣ“, взятая нами съ послѣдней выставки „Союза русскихъ художниковъ“, живо и ярко воспроизводитъ предъ нами русскую старину. Великій Новгородъ вель крупный торгъ съ нѣмецкими ганзейскими городами,

и на его улицахъ, окруженныхъ деревянными теремами и гостинными дворами, можно было тогда встрѣтить и пышно одѣтыхъ нѣмцевъ, и итальянцевъ, и французовъ, которые приплывали сюда по Волхову и привозили въ нашъ „вольный“ городъ свои заморскіе товары. Скрипѣли телеги съ товарами, звенѣла международная монета, и раздавалась международная рѣчь. А высоко надъ головами гостей-купцовъ гудѣли звонкіе русскіе колокола новгородскихъ церквей. Эту красочную картину, полную дви-

Побѣдитель Императорскаго приза (10.000 р.) на скачкахъ въ Москвѣ, 1 іюля с. г. „Магнать“ графа А. П. Палена. По фот. Завадскаго.

Побѣдитель 27 „Всероссійскаго (скакового) Дерби“ (призъ съ подписными 39.000 р.) въ Москвѣ, 1 іюля с. г. „Мамуръ“ Е. И. и М. И. Лазаревыхъ. По фот. Завадскаго.

женія и красокъ, и изображаетъ талантливый художникъ-историкъ.

Далѣе наши читатели найдутъ на страницахъ настоящаго № „Нивы“ еще рядъ рисунковъ, дающихъ представленіе объ упомянутой выставкѣ картинъ. Прежде всего здѣсь обращаютъ на себя вниманіе талантливые пейзажи: „Ранней весной“ Л. Туржанскаго, „Весенняя вода“ С. Жуковскаго. „Пейзажъ“ А. Рылова, „Весна идетъ“ С. Виноградова. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить рядъ прекрасныхъ образцовъ портретной живописи—„Художникъ съ дочерью“ И. Бродскаго, „Портретъ Ѳ. И. Шалыгина“ К. Коровина, „Монахъ“ В. Сурикова. Къ портретному жанру относится также и прекрасный *бюстъ артиста Смирнова* работы С. Судьбинина. Наконецъ мы имѣемъ здѣсь и изящные образчики бытового жанра: „Урокъ“ Л. Пастернака и „Въ праздничный день“ А. Степанова.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Подъ истиннымъ гнѣздомъ. Повѣсть Вл. Ленскаго. (Окончаніе).—Пламенные крылья. Разсказъ М. Кордэ.—Подводное плаваніе. Очеркъ А. Д. Далматова.—Факирь. Индусская легенда. Шарля Тениба.—Высочайшій рескриптъ и приказъ по флоту.—Призрѣніе нижнихъ чиновъ (Вопросы внутренней жизни).—Къ рисункамъ.—Объявленія.

РИСУНКИ: На берегу моря.—Выставка картинъ „Союза русскихъ художниковъ“ (10 рис.).—Торгъ въ Великомъ Новгородѣ.—Подводное плаваніе (7 рис.).—Новый китайскій премьеръ-министръ Лу-Чень-Цзянь.—Къ 100-лѣтію присоединенія Бессарабіи къ Россіи.—Военный летчикъ севастьяпольской авіаціонной школы лейтенантъ Дыбовскій.—Военный летчикъ капитанъ Андреади.—Пріютъ для сиротъ и вдовъ русскихъ художниковъ имени П. М. Третьякова въ Москвѣ.—Побѣдитель 27 „Всероссійскаго Дерби“ въ Москвѣ, 1 іюля с. г. „Мамуръ“.—Побѣдитель Императорскаго приза на скачкахъ въ Москвѣ, 1 іюля с. г. „Магнать“.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Нуприна“ кн. II.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.